Взгляд висельника

Автор:
Александр Варго

Взгляд висельника

Александр Варго

MYST. Черная книга 18+

По стране прокатилась волна детских самоубийств. Сотни родителей в панике. Тревога не миновала Александра и Лидию Истоминых. Они заметили, что их сын Сережа, компьютерный фанат, в последнее время ведет себя как-то странно. Александр считает, что виной всему компьютер, и ведет сына к психотерапевту. В беседе с врачом вдруг выясняется, что каждую ночь мальчик видит во сне вешающегося мужчину. Врач со слов Сережи составил фоторобот мужчины и сразу же заметил его поразительное сходство с теми фотороботами, которые были составлены другими пациентами несколько дней назад...

Александр Варго

Взгляд висельника

16 февраля стало известно сразу о четырех новых случаях суицида среди детей и подростков. Последний был зафиксирован в Москве: вечером в четверг нашли повесившейся двенадцатилетнюю школьницу. Ранее, в течение дня, сообщалось, что в столице Калмыкии Элисте повесилась десятилетняя девочка. В Петербурге тринадцатилетняя школьница выбросилась с восьмого этажа. В Красноярском крае пятнадцатилетний подросток повесился в школе-интернате. Кроме того, в Москве пыталась уйти из жизни подруга школьницы, покончившей с собой накануне. С начала февраля этого года Россию буквально накрыла волна

подобных случаев. Официально власти этого пока не признают. Но первая реакция наконец появилась. Генпрокуратура в четверг предложила привлечь ученых для выяснения причин этого явления. Психиатры тут же ответили: надо срочно запускать программу предупреждения суицида, но на это нужна «политическая воля». Среди прочего, по мнению психиатров, самоубийства среди подростков зачастую провоцируют телевидение и Интернет. Из соцсети «ВКонтакте» уже удалили группы, пропагандирующие суицид.

www.newsru.com

Пролог

Соболев пожалел, что подошел именно к этой скамейке. Сидел же мужик у подъезда, так нет, его понесло к женщинам. На самом деле Соболев знал, что женщины охотней отвечают на вопросы и замечают куда больше мужчин.

– Она любила деток, – сказала женщина в халате с красными цветами.

– Да, да, – закивала головой вторая, присоединившаяся к ним старушка. – Она даже хотела устроиться в детский сад, чтобы и работа была, и ребенок под присмотром.

– Она любила деток, – повторила та, что в халате. – И вот так с детками поступила.

После этих слов обе женщины замотали головами, словно собачки на приборной панели. Соболев едва сдержался, чтобы не закачать тоже. Похоже, это было заразным.

– До сих пор не могу поверить, – спасла его женщина в халате. – Я знаю Галину…

– Наталью, – поправила ее старушка.

– Тьфу ты! Точно, Наташу. И чего я ее Галиной зову?

– Да она ж на Галку с третьего подъезда как две капли похожая…

Соболев демонстративно откашлялся.

– Ну да. Я же знаю Га… Наталью уже более двух лет. Каждый день вместе гуляем. Я со своими сорванцами-внучатами. Она – со своими. Но вы знаете… Даже не знаю, как это объяснить…

«Начни уж с чего-нибудь», – раздраженно подумал Соболев.

– Она сидела дома с детьми, понимаете? Она не работала, – прошептала старушка.

А женщина в халате посмотрела по сторонам и продолжила:

– Виталик (старший сын) в этом году пошел бы в школу, а вот Ромка даже в садик не ходил. Галина… Тьфу ты! Наташа считала, что это ему ни к чему. Так, лишняя трата денег.

– Она никогда не делала детям прививок, – подхватила эстафету старушка. – Одевались очень скромно они. Видимо, денег не хватало.

– А кому их сейчас хватает? – всплеснула руками женщина в халате.

– Да хоть бы тебе.

– Мне?! – Женщина в халате еще интенсивней замахала руками. Соболеву показалось, что еще чуть-чуть – и она взлетит.

– Да, тебе. Твой-то вон на какой машине ездит…

– Женщины! – гаркнул Соболев. – Давайте ближе к делу.

Сплетницы не ожидали такого от представителя власти, поэтому замолчали сразу же.

– Продолжайте, – предложил Соболев старушке.

– Наташка рассказывала, что живут они в квартире с голыми стенами, буквально на бетонном полу.

– Может, правда денег не хватало, – предположил Соболев.

– Муж ее, кажется, на компьютере работал, – кивнула женщина в халате.

– Писатель, что ли? – спросил Соболев.

– Да нет же! Как их? Ай… ай…

Если бы до этого не упоминался компьютер, полицейский подумал бы, что женщине стало плохо.

– Айтишник, – подсказал он, пока люди вокруг не решили, что он избивает свидетеля.

– Да-да, он. В общем, денег не хватало, – подвела итог женщина в халате.

– Но все равно, – вставила свое слово старушка, – было ощущение, что это счастливая семья.

– Да-да, – закивала женщина в халате. – Дети добрые, отзывчивые. Всегда поздороваются. А мать их как любила.

– Скажите, а вот вчера, например, вы с ней виделись?

– Как же не виделись? Только вчера вместе гуляли.

– И ничего странного в поведении Натальи вы не заметили?

– Как не заметили? Заметили. Наташа говорила, что у нее с мужем натянутые отношения. Но у кого в семье бывает гладко…

У кого в семье гладко? И то верно. Соболев попрощался с женщинами и направился к подъезду. Гладко там, где ничего нет. Михаил Сергеевич, дожив до сорока пяти и вырастив двух сыновей, никогда бы не подумал, что когда-нибудь может дойти до развода. Почти полгода их отношения с женой продолжаются в состоянии холодной войны и ни намека на перемирие. Михаил не мог думать ни о чем, кроме разрыва с женой. Но сегодняшнее дело стало исключением. Тут не до таких мелочей, как развод и обвинения в измене. Тут даже самый равнодушный, самый черствый человек не останется в стороне.

Соболев остановился у подъезда. Похлопал по карманам. Сигареты оставил в другом пиджаке.

– Сигаретки не будет? – обратился он к мужчине, нервно курившему на лавке.

– Это я увидел Ромку, – сказал мужчина, достал пачку и, предварительно выбив сигарету, протянул Соболеву.

Михаил взял сигарету, подкурил и только после того, как сделал первую затяжку, спросил:

– Ромка – это кто?

– Мальчишка. Наташкин сынок. Младший.

Соболев не знал, что сказать. Михаил, словно охотничий пес, все утро роет носом окрестности в поиске свидетелей, а он вот тут, у подъезда сидит и курит. А ведь хотел же к нему подойти. Михаилу захотелось накричать на мужчину, но потом он передумал. Свидетель и так в таком состоянии, что из него придется все вытягивать клещами, а начни Соболев орать, так тот и вовсе замолчит.

– А что с ним? – задал вопрос Михаил.

Глупый вопрос произвел нужный эффект. Мужик достал еще одну сигарету, прикурил от окурка и заговорил.

* * *

– Эта тварь выбросила детей в окно. Один… Младший шмякнулся прямо передо мной.

Соболев не сразу поверил, но когда увидел забрызганные до колен кровью брючины, все сомнения тут же отпали.

– Собственных детей! – закончил Максим.

Соболев взял сигарету, предложенную свидетелем Максимом. Вот так дела. Нет, у Михаила не было никаких сомнений, что к смерти детей причастны третьи силы, что их кто-то выбросил с тринадцатого этажа, как котят. Но чтобы это могла сделать мать?! Нет, в это верилось с трудом. Соболев за двадцать два года в органах повидал всякого. И сыновья убивали матерей, и мужья вырезали семьи, и матери топили детей. Но то были не совсем люди. Пьющие, опустившиеся животные. В этой же семье все было нормально. Муж – айтишник, жена – домохозяйка. Счастливая семья. Но у кого в семье бывает гладко… Слова одной из свидетельниц очень хорошо ложились на картину произошедшего убийства. В этой семье было что-то не так, что-то, что заставило любящую мать сделать такое со своими детьми.

Соболев посмотрел на Максима и по его выражению лица понял, что за спиной что-то происходит. Он обернулся и увидел девушку чуть старше его сына. Ее заковали в наручники и придерживали под локти двое мужчин. Михаил пытался рассмотреть в ее глазах причину произошедшего, он пытался понять. Но ничего не выходило. В нормальном, цивилизованном обществе нет оправданий убийству. Он встретился с девушкой глазами, и ему стало жутко. Ему стало страшно от того, что он там увидел.

– Это не я, – одними губами произнесла женщина.

Михаил увидел в ее глазах уверенность. Там сидела вера в то, что она говорит, и, что самое ужасное, в то, что она делает.

– Я их не убивала, – с мольбой в голосе сказала Наталья чуть громче.

Один из патрульных, толстяк с лоснящимся лицом, подтолкнул задержанную, и она успокоилась. В глазах больше не отражалось ничего, будто кто-то в ее голове выключил свет и пошел спать.

– Это она их, – не скрывая ненависти, сказал Максим.

Михаил проводил взглядом патрульных и девушку до машины и только потом посмотрел на говорившего.

– Вы слышите? Она.

Соболев кивнул. Но Максиму этого показалось мало, и он взвизгнул, копируя голос маленького мальчика:

– Мамочка, не надо! Пожалуйста, не делай этого! Мамочка!..

– Хватит! – резко оборвал его Соболев.

Ему не хватало, чтоб еще этот с ума сошел. Свихнулся сам и свел с ума Соболева.

– Давайте еще раз. Когда ты поднялся…

Дверца машины открылась настолько резко, что казалось, слетит с петель. Михаил резко обернулся.

– Вот тварь. – Максим встал.

Женщина со скованными руками за спиной бежала к подъезду. Соболев сидел, открыв рот. Он не мог пошевелиться. Наталья успела добежать до скамейки, на которой сидел, словно парализованный, Михаил, когда толстяк с лоснящимся лицом догнал ее и сбил с ног. Миша смотрел ей в глаза, когда ее поднимали. Они были пусты.

Девушка дернулась и упала на колени перед Соболевым. И за секунду до того, как толстяк сообразил и дернул Наташу на себя, она произнесла:

– Он все еще в доме.

Глава 1

Вчера отчим опять избил его. Третий раз за эту неделю. Ссадины и синяки не успевали сходить с лица. Юрка забыл, когда последний раз был в школе. Он забыл о школе, и о нем забыли все. Только отчим считал своим священным долгом учить пасынка уму-разуму. Юрка дергался при каждом шорохе. Сегодня он ждал его. Ждал ублюдка, чтобы поквитаться.

Юра часто вспоминал отца. Он бы со своим сыном так не поступил. Юрка вспомнил, как они ходили с папой в музей. Почти каждые выходные они ходили на новинки кино. Как было здорово, пока какая-то пьяная мразь на дорогом автомобиле не сбила папу. Юре иногда казалось, что убийцей был его отчим. Может, потому, что за год с небольшим он не стал считать нового папу не кем иным, как пьяной мразью.

Папа любил его. Юра вытер слезы и шмыгнул носом. Очень любил, а какая-то паскуда взяла и оборвала его жизнь… Юра напрягся. Щелкнул замок, и входная дверь открылась. Юра нырнул под письменный стол и вылез оттуда со свертком. Он уже слышал шаги по направлению к своей комнате. Юра забеспокоился, что не успеет, и начал быстро разворачивать серую мешковину. Ему нужно успеть, до того как отчим войдет, до того как скажет хоть слово. Иначе все зря.

– Не трогай его.

Голос матери заставил Юру усомниться в правильности выбранного пути. Несмотря на то что она отвернулась от него за последний год, он любил ее. Любил и жалел.

– Тимурчик, ты его не тронешь?

– Нет, – твердо сказал мужчина. – Я просто научу его уважать старших.

– Ты не сделаешь ему больно?

– Она хотя бы пытается… – прошептал Юра и с надеждой посмотрел на монитор.

– Мы же говорили с тобой об этом.

Юра дернулся от неприятного электронного голоса. Человек в окошке «Скайпа» возмущенно взмахнул руками. Юра кивнул.

– Я знаю.

– Она притворяется. Она всегда притворялась. Только отец. Помнишь? Только твой отец по-настоящему любил тебя.

– Я знаю, – повторил Юра.

– Ну, раз знаешь, значит, сделай, что задумал.

Юра повернулся к двери в тот момент, когда она с грохотом ударилась о стену. Отчим с искаженным яростью лицом ворвался в спальню пасынка.

– Что, ублюдок, опять дрочишь?!

Юра дернулся, и мешковина, лежавшая у него на коленях, упала к ногам. Тимур замер, потом улыбнулся и спросил:

– Что это ты задумал, ублюдок?

– Сделай это, – прошептал электронный голос за спиной мальчишки.

Юра посмотрел на обрез с потрескавшимся цевьем на коленях, потом поднял мокрые от слез глаза на мужчину.

– Меня очень любил папа, – сказал он.

– Я рад за тебя, – с издевкой произнес Тимур. Он едва сдержался, чтобы не добавить свое любимое «ублюдок». Все-таки обрез был своего рода приглашением к конструктивному диалогу. Без повышения голоса и рукоприкладства. Только Юра теперь не хотел разговаривать. Теперь уже поздно. Он все решил. Они все решили.

– Папа любил меня, – подросток начал поднимать обрез.

– Давай, – шептал за спиной голос, искаженный рваными динамиками монитора. – Давай. Твой отец ждет от тебя мужского поступка.

Два ствола смотрели на отчима, который плохо соображал, что происходит, но все равно стоял смирно.

– Папа бы никогда этого не допустил.

Через мгновение стволы переместились к голове Юры, вошли в рот, больно оцарапав небо. И подросток, не раздумывая, нажал на спусковой крючок.

Собеседник в «Скайпе» отключился.

* * *

Александр Истомин узнал о первом самоубийстве из «Вестей». «Девятилетняя девочка повесилась в коровнике», – сухо вещал корреспондент. Сыну Истомина было четырнадцать. Представив на минутку, что и его ребенок может устать от жизни в четырнадцать лет, Саше стало плохо. Он прислушался. Возможно, он ослышался, и девочке на самом деле девятнадцать, но журналист повторил возраст. Девочка повесилась в девять! Неразделенная любовь? Откуда? Проблемы в школе? Какие? Какие, к черту, могут быть проблемы?! Что они из себя представляют такое, что ребенок бежит не к родителям, не к учителям, а в коровник, чтобы повеситься. Саша понимал, что с развалом страны, в которой семья была ячейкой общества, ячейки эти стали никому не нужны. Ячейки начали разлагаться. Представители ювенальной юстиции посещали семью не для того, чтобы помочь, а для того, чтобы забрать ребенка. Возможно, причина в этом. В семье беда – родители пьют. Ювенальщики пришли и пригрозили забрать девочку, а она (какие бы родители ни были – они ее) решила напугать всех. Напугала. До усрачки. Только вопрос: кого? Родители пьют – теперь есть повод. Компетентные органы развели руками и пошли в другую ячейку. Единственные, кто задумается, это такие, как Истомин. Те, у кого все хорошо и кто не хотел бы в один прекрасный день вынуть из петли остывший труп своего ребенка. «А ведь даже здесь можно было спасти дитя, – удручающе подумал Саша. – Смерть не может быть выходом. Если бы общество вовремя

спохватилось… Но так было там, в прошлом». Истомин считал, что в этой смерти непосредственная вина школы. Учителя плевать хотели на своих подопечных, как только те выходили со школьного двора.

Истомин вошел в комнату сына. Сережа сидел за компьютером, строил ферму. Сашу радовало, что его ребенок не играет в стрелялки с кровищей, а разводит животных, выращивает растения. Пусть это тоже был виртуальный мир, но без крови и убийств. Истомин, конечно, прикладывал кое-какие усилия для этого. Раз в неделю заходил к сыну и перебирал диски с «игрушками» в попытке пресечь появление коробки с надписью 18+. Но с появлением в доме Интернета миссия Истомина приняла бессмысленный вид. Вот там-то вся эта зараза и сидела. Убийства, секс и извращения наводняли виртуальные сети. Трудно уследить. Однажды Истомин набрел на такую вещь, способную, как он думал, помочь ему сдержать поток помоев из Сети. Программа называлась «Санитар». В нее входила защита от сайтов с не предназначенной для детей информацией. Но только установить ее он так и не успел. Нераспечатанная коробка все еще стояла на полке между книгами «Мифы и легенды Древней Греции» и «Крабат, или Легенды старой мельницы» над монитором.

– Как дела, сынок? Как ферма?

– Да что-то не найду, как продать гусей. Вчера вроде бы продал…

– А ну-ка, давай попробуем. – Саша взялся за мышь и пощелкал по разделам сначала в верхнем правом углу, потом в верхнем левом. Магазин он нашел в нижнем правом. Ребенок засиял.

– А я и сюда нажимал, – восторженно произнес Сережа. – Спасибо, папа. Если бы не ты…

– Сынок, я хотел с тобой поговорить. – Истомин сел в кресло у стола.

– О чем? – спросил Сережа, но так и не оторвался от компьютера.

– Сережа, сынок. Можешь мне пообещать кое-что?

– Да, папа. – Продажа гусей занимала ребенка больше, чем разговор с отцом.

– Если когда-нибудь тебе покажется, что выхода нет…

Мальчик повернулся к отцу. Либо гуси были проданы, либо Саше вдруг удалось привлечь внимание сына. И тут вдруг до Истомина дошло, что он разговаривает с ребенком как со взрослым.

– Сынок, в жизни нет таких ситуаций, из которых нет выхода. Понимаешь?

Сережа кивнул.

– Все можно решить либо самому, либо с помощью близких.

– Папа, я это понял. Что пообещать-то надо? – Все-таки продажа виртуального хозяйства занимала мальчика куда как больше.

– Пообещай, что не будешь держать все в себе и расскажешь мне.

– Пап, о чем?

Черт! Он не понял? Или делает вид, что не понял?

– Да хоть о чем!

– Даже о том, как я подрался?

– Особенно о том, как ты подрался.

* * *

– По предварительным данным, 18 февраля на Южном бульваре в Ленинском районе Челябинска, желая покончить жизнь самоубийством, шестнадцатилетняя девушка спрыгнула с крыши пятиэтажного дома. Девушка скончалась на месте происшествия. Возможной причиной самоубийства явилась неустроенность в личной жизни, – бубнил диктор.

Какая, к херам, неустроенность? Единственное, что должно волновать ребенка в этом возрасте, – это куда пойти после школы. По крайней мере, так было у Саши.

– В настоящее время устанавливаются все обстоятельства произошедшего, – продолжил корреспондент. – По результатам проверки будет принято процессуальное решение.

Истомин подошел и выключил телевизор. Он знал, что причина уже найдена. Неустроенность в личной жизни. Интересно, а в случае той, девятилетней, они тоже говорили о неустроенности? Саша прекрасно понимал, что настоящих причин искать никто не будет. Умерла так умерла. Все спишут на неустойчивую психику подросткового возраста. Если они явные убийства расследовать не хотят, что говорить о мнимых самоубийствах. Почему мнимых? Он не верил, что ребенок сам спрыгнул с крыши, сам затянул на шее шарфик. То есть, конечно же, все это подростки делали сами, но кто-то их толкал на такой шаг. Неустроенность в личной жизни? Тьфу, бред!

Саша допил кофе и пошел в спальню. Лида все еще спала. У нее сегодня был выходной – везучий человек. У Сережки только закончились каникулы. Саша в своем детстве такого не помнил. В октябре каникулы? Нет. Они, конечно, мечтали о каникулах, но кто бы их им дал. Неделя осенью, две зимой и неделя весной, а затем долгожданные летние. Несмотря на такие блага, каждый из них мечтал поскорее вырасти и пойти работать, только чтобы не учить эти уроки. У его ребенка сейчас ситуация с каникулами куда как лучше. Пять недель учебы, одна – каникул. На Новый год и Рождество две недели. Ну и летние никто не отменял. И все равно Сережка, как и его отец когда-то, мечтает стать взрослым и пойти работать. Саша вздохнул. Сейчас бы вернуться в детство. Зимой хоккей, летом велосипед – красота. Из электроники он тогда видел только часы дядьки, привезенные из Польши. Сейчас почти у каждого ребенка по компьютеру да по сенсорному телефону. И эти «сухари» из органов будут говорить о неустроенности жизни? Либо с головами детей что-то не так, либо… Да не надо никаких «либо». С головами детей действительно что-то происходит. И виной этому – Интернет.

Саша снова вспомнил о программе «Санитар». После работы надо обязательно установить. Так будет спокойней. Истомин знал, что так будет спокойней в первую очередь ему. Это было своего рода перекладыванием тяжелой ноши на чужие плечи. Черт знает на чьи чужие плечи.

* * *

Теперь это был Оренбург. Прошло всего два дня, и снова девочка прыгает с девятиэтажки. Александр будто знал лично этого ребенка. Он не мог работать. Тягостное чувство потери, утраты, словно этот ребенок если не его, то очень близких друзей, не покидало его ни на секунду. Пустота, образовавшаяся от утраты, к концу рабочего дня начала заполняться тревогой, грозящей перерасти в панику. Он очень боялся за Сережку. Сашу пугало больше всего то, что он никак не мог нащупать «тумблер», который мог в неподходящий момент переключить мозг ребенка с «устроенности» на «неустроенность в личной жизни». Чертовы сухие термины, чертовы черствые люди, произносящие их!

Он каждый день разговаривал с Сережей. Каждый день спрашивал, как он провел день, пытаясь ухватиться за что-то, что подсказало бы ему причины беспокойства ребенка. А они были. Несмотря на то что Сережа всегда говорил о прекрасно проведенном дне, об играх в волейбол и теннис, его все же что-то беспокоило. Саша был просто уверен в этом. Ну не мог же он силой выбивать из него признания. Саша хотел пойти к учителям, поговорить с одноклассниками, но вовремя останавливался. Он не понаслышке знал, как может пагубно повлиять вмешательство родителей. Сверстники очень недружелюбно реагировали на поиски правды и защиты одного из них. В Сашином детстве прячущихся за спины взрослых называли ябедами, а сейчас – стукачами. Вообще Сашу поражал жаргон нынешней молодежи. Некая смесь из тюремной фени и компьютерного сленга. Он часто слышал «разговоры по душам», когда возвращался с работы домой. Во дворе, на детской площадке собирались воинственные дети, но это были уже не дети. По крайней мере, им казалось, что они уже не дети. Сигарета в зубах и баночка «Яги» в руках. Вот и все, что отличало их от обычных детей. Истомин поражался, куда смотрят родители. В своем детстве Саша даже и припомнить не мог, чтобы они друг друга дураком обозвали в присутствии взрослых. А если уж и вылетит какое словечко, то мало того, что его тут же отчитают очевидцы этого недоразумения, так еще и дома взбучку устроят. Нынешней молодежи делать замечания себе дороже. В лучшем случае уличные детки тебя пошлют по всем известному адресу, а в худшем – еще и проводят туда.

Истомин не боялся быть избитым, он боялся другого. Однажды он заступился за паренька, к которому пристала подвыпившая компания подростков. К Сашке на подмогу вышел Толик из четвертого подъезда. Поэтому гопота ретировалась, но одна перепившая девка все никак не унималась. Женька Ефремова. Ее

воспитывала одна престарелая бабка. Родители умерли от пьянки. То, что стояло перед Толиком и Сашкой, брызжущее слюной и матерящееся существо, назвать воспитанным язык не поворачивался. Женька просклоняла всю их родню. Неизвестно, сколько это продлилось бы, но Сашка взял девицу за шиворот и отволок домой. Сдал бабуле, находящейся под легким хмельком.

На следующий день Истомин убедился в коварстве нынешней молодежи. Субботний день семья Истоминых собиралась провести на даче во Львовском. Утро было омрачено затянутым тучами небом. К часам одиннадцати Саша подумал, что пасмурный день – ничто по сравнению с обвинением в педофилии. И несмотря на то, что он был уверен в своей невиновности, ему было страшно. Не будь тогда с ним Толика… Черт! Если бы в конце концов не протрезвела тогда Женька со своей бабкой-воспитателем и не поняли, что сморозили глупость, сидеть бы сейчас Истомину по статье, мягко говоря, непочетной.

Нет, он все понимал. Педофилия – это вообще палка о двух концах. С одной стороны ублюдки (причем в таком количестве, что казалось, будто они сходят с конвейера на какой-нибудь фабрике), охотившиеся за детьми, с другой – дети, готовые обвинить тебя в педофилии только за то, что ты им сделал замечание. Наверняка дети ищут защиту в подобных обвинениях. Ведь им некому объяснить, что защита в первую очередь должна исходить от родителей.

Как бы оно ни было, Саша обходил стороной Женьку и ее компанию. Времена… Из-за ублюдков, жаждущих молодого тела, обычный добряк, угостивший детей конфетами, теперь воспринимается общественностью не иначе как педофил.

– Жри свои конфеты сам, добряк, – с грустной улыбкой прошептал Саша и вошел в подъезд.

За размышлениями он даже и не заметил, что двор, а самое главное – скамейка, где всегда сидели Женька и ее компания, были пусты.

* * *

Девочки шли по тротуару, вдоль которого росли кустарники. Вдруг Женька остановилась. Сделала последнюю затяжку и отбросила окурок в аккуратно подстриженный куст. Потом только повернулась к подруге.

– Ты взяла мобилу?

– Да.

– Смотри мне. А то получится, как в тот раз…

– А что в тот раз?

– У тебя батарея села! – с укором сказала Женя и пошла дальше. – Все интересное пропустили.

– А почему ты свою не берешь? – спросила Надя, но тут же пожалела и прикрыла рот ладонью.

Женя улыбнулась. Она знала – ее боятся даже близкие подруги. Потому что она лидер. Лидер этих сопливых овечек.

– У меня телефон бабка забрала. За пару по географии. Воспитывает, сука.

Девочки вышли к парку, вывернули на залитую солнечным светом аллею. Вдали они увидели двух девочек. Одну, в красной футболке, они узнали. Да и вторая была не кто иная, как будущая жертва.

– Смотри, Владка лохушку привела, – радостно прощебетала Надя.

– Ага, – кивнула Женя. – Щас еще пацаны подтянутся, и начнем.

Но начали они немного раньше. Женьке не терпелось поиздеваться над чмошницей. Она ненавидела таких. Таких, у кого все складно в жизни. А самое главное – есть родители. Родители были у всех ее друзей. Но у Надьки, например, они пьют, у Артема нет отца, у Стаса мать гулящая и так далее. В общем, у всех ее друзей семьи благополучными назвать нельзя. Так что у Женьки компания подобралась что надо. Она, пожалуй, была (по ее разумению) в более завидном положении. Несмотря на некоторые воспитательные меры со стороны бабки, Женька была свободна. Часам к семи старуха напивалась и теряла контроль не только над своей воспитанницей, но и над собой. И даже если и происходило что-нибудь из ряда вон, наподобие случая с придурком из

восемнадцатого дома, то бабка узнавала это от внучки, и то только утром.

Женька и сама не знала, что произошло в тот вечер. Она была пьяна. Кажется, они хотели избить какого-то чмошника, а тут влез этот придурок. Женька не собиралась этого терпеть, наплела бабке, что хмырь приставал к ней. Потом протрезвела, жалко стало защитника обиженных. Покаялась Женька, хотя сейчас думала, что надо было посадить ублюдка, чтоб не заступался больше ни за кого. Тогда бы Женьку боялись все мужики во дворе. На нее бы вообще никто даже косо не смел посмотреть. Эх, надо было.

Женька вообще ненавидела людей. Начиная от своих умерших родителей-пропойц и заканчивая пластилиновыми друзьями. Почему пластилиновыми? Да потому что Женька лепила из них все, что вздумается. По сути, никто из них не был застрахован от ее гнева. И если что, любой мог стать следующей жертвой агрессивного подростка. Она не пожалела бы никого. Вообще никого.

* * *

Женьку все боялись. Света не была исключением. Поэтому, когда на аллее появилась Женя с Надей, Мечникова, мягко говоря, занервничала. Да что там занервничала?! Она едва не описалась. Она поняла, зачем ее выманили в парк. Ее будут бить. Возможно, сильно. И все из-за этого придурка Артема.

Владка, завидев подруг, вмиг превратилась из Золотой рыбки в пиранью. Владислава Хрулева разительно отличалась от Женьки, да и от Нади. Ее действительно называли Золотой рыбкой. Красивые рыжие волосы заплетены в толстую косу, веснушки только красили милое личико, а красивые голубые глаза просто притягивали к себе. Но это было до того, как она связалась с Женькой и ее компанией. Нет, красота никуда не делась. Куда-то подевалась добрая девочка, Золотая рыбка, сидевшая внутри Хрулевой. Теперь наружу вылезла злая рыжая пиранья. Да и Золотой рыбкой ее больше никто не звал, ее и по имени теперь мало кто звал. Наверняка если это и происходило, то только с разрешения Женьки.

– Ну че, Хрюня, начнем без пацанов? – обратилась Женя к Владе.

– Не называй меня так, – прошептала Влада.

– Что?! Что ты сказала?!

Несмотря на то, что внимание Жени перескочило на Владку, Свете стало еще страшнее. Если она готова разорвать своих друзей, что она может сделать с ней – «лохушкой», «чмошницей»? От этой мысли девочку бросило в дрожь.

– Я тебя попросила не называть меня так, – чуть громче сказала Хрулева.

– Не называть как?

По голосу Жени было слышно – она издевается. Надя нервно хохотнула. Наверняка она хотела показать, что на стороне атаманши, но и Владке дать понять, что это все шутка.

– Так…

– Как «так»?!

Теперь в голосе слышалась агрессия.

– Хрюней, – быстро произнесла Влада и зажмурилась.

– Как же я перестану тебя так называть, если ты сама только что сказала: «Хрюня»?

Надя снова хохотнула, но теперь уверенней. Она знала, на чьей стороне победа.

– Ладно. Иди сюда, Рыжик, – Женя обняла Владку. Да так, что та пригнулась. – Не хочешь быть Хрюней, будешь Ржавчиной.

Три подруги рассмеялись. Светке бы убежать в это самое время. А она словно раненый кролик с испугом наблюдала, как резвятся волчицы перед тем, как съесть ее.

– Ну что, чмошка? – Света поняла, что эти слова обращены к ней. – Светка – обдристана беретка. Светка, у тебя есть беретка?

Мечникова замотала головой.

– Нет? – Женя подняла в изумлении брови. – А куда же ты дрищешь?

Смех девиц был подобен хихиканью гиен. «Что им от меня надо? Я же им ничего не сделала», – едва не заплакав, подумала Света.

* * *

Света Мечникова была влюблена в Артема Скороходова в третьем классе и в четвертом. Даже когда они перешли в восьмой, ее чувства к этому «ледяному мальчику» не остыли. Потушил он их однажды раз и навсегда.

Она вызвалась подтянуть его по физике. Если б она тогда знала, чем это закончится, то… Бог его знает. Может, даже и тогда она бы согласилась помочь.

Договорились заниматься у нее, но он тут же наотрез отказался. Мол, у тебя предки с работы придут, им отдохнуть надо, а тут мы со своими законами Ома.

– И что ты предлагаешь? Не на лавке же во дворе нам заниматься? – хохотнула Света, и ее щечки тут же покрылись румянцем.

– Не, на лавке ваще тухляк, – сказал Артем и тут же поправился: – В смысле, не годится.

– Да я уже поняла, – улыбнулась Мечникова.

– В общем, я вот че хотел сказать. В девятиэтажке на 8-го Марта можно посидеть на крыше.

– На крыше? А это не… – она хотела сказать «не опасно», но постеснялась и спросила: – А это удобно?

– А кому мы там помешаем? Разве что голубям.

Он обворожительно улыбнулся, и она уже была готова на все. Почти на все.

– Лишь бы они нам не помешали.

– Они у меня тихо будут сидеть, – пообещал Артем, и они рассмеялись.

Света ожидала несколько другого. Крыша оказалась не совсем крышей. Это был технический этаж, расположенный под самой крышей. Голубей не было, но вонь стояла, как на ферме деда.

– Ты куда меня привел? – спросила Мечникова, закрывая нос рукой.

– Туда, где тебе всегда рады.

Артем улыбнулся и развел руки. Света увидела за парнем картонный ящик, перевернутый вверх дном, а на нем смятые жестяные банки. Она плохо разбиралась в напитках, но ни одной емкости с известными ей безалкогольными напитками она не увидела.

– Мы тут вчера «Ягой» баловались, – Артем показал на стол-ящик. – Может, по баночке?

– Нет, – твердо сказала Света. – Нам заниматься надо.

– Заниматься, – словно зомби повторил за ней Артем.

Он взял у нее книгу, полистал, а потом поднял на нее глаза.

– Чего? – кокетливо спросила Света.

– Светка, а ну ее в баню, эту физику.

Он закрыл книгу и бросил ее на коробку. Пустые банки разлетелись, словно кегли. Мечникова посерьезнела скорее от непонимания, чем от страха. В тот момент ей не было страшно. Страшно ей стало потом.

– А чем же мы тогда займемся?

Она ведь даже не могла представить, что у него в голове ТАКОЕ.

– А давай займемся сексом…

Света не верила своим ушам. Он предложил ей…

– Ну что ты? Светка, – он взял ее за руки, – давай потрахаемся.

– А как же физика? – глупый вопрос слетел с пересохших губ.

Стройные мысли в ее четырнадцатилетнем мозгу начали путаться. Законы Ньютона и Ома, теоремы Пифагора и Архимеда – все перемешалось. В ее детском мозгу было все, даже невеста в белом платье, которой ей предстояло стать. А еще там была аксиома мамы: приличные девушки занимаются любовью только после свадьбы. Любовью! Никакого секса, а тем более «потрахаемся», там не было. Приличные девочки занимаются только физикой. До свадьбы.

Света почувствовала горячее дыхание Артема на своей шее. Его рука спустилась к ремню и нервно задергала бляшку. Света дернулась, но парень с силой притянул ее к себе.

«Никакого секса! Никаких «потрахаться»! Никакой любви! До свадьбы – ни-ни!»

Света уперлась в грудь Артему и со всей силы толкнула. Ошарашенный юноша отлетел к учебникам.

– А как же физика?! – крикнула Мечникова сквозь душащие ее слезы и побежала к выходу.

* * *

Света сморщилась от боли. Женя схватила ее за руку.

– Ну что, лохушка? Ты трахалась с моим парнем?

– С чего ты… Нет. – Света подумала, что конкретный ответ отметет все последующие вопросы и ее отпустят.

– Неправильный ответ, – оскалилась Женька и сдавила руку Мечниковой еще сильнее.

– Отпусти! – Света попыталась вырваться. – Мне больно.

– А с Темой было приятно?

– Нет, – выпалила девочка, и это было ошибкой.

– Так ты, сука, все-таки с ним трахалась! – крикнула Женька и наотмашь ударила Свету по лицу.

Мечникова сначала услышала хлопок, будто кто-то ударил в ладоши, и только потом левый глаз заслезился, а щека зажглась болью. Девочка, опешив, схватилась за щеку, все еще не веря, что это происходит с ней. Она знала о жестокости Женьки и ее команды, но всегда думала, что ее это не коснется. Света смотрела на смеющихся одноклассниц. Слезы набухали в округлившихся глазах. Надя снимала на телефон и что-то комментировала. Света не слышала, что она говорит, но это явно не были слова, порицающие содеянное Женей.

– Что ты вылупилась, шалава?! – оскалившись, спросила Женя и снова схватила ее за руку.

Света уже не вырывалась, она обмякла. Она даже удивилась, что ноги еще держат ее. Мечникова боялась пошевелиться, чтобы не вызвать гнев мучительницы. Слабая надежда, что ее помучают и отпустят, была. Главное – не злить их.

– Опусти руку! – приказала атаманша.

Света послушно опустила.

– Ты что, плачешь?

На мгновение Свете показалось, что Женька пожалеет ее, что она не хотела доводить ее до слез, что она немного заигралась. Но, увидев хищное лицо хулиганки, она поняла, что это всего лишь один из пунктов ее плана по издевательствам над «чмошницами» и «лохушками».

– Ай, бедненькая, – Женя мотнула головой и обняла Свету. – Кто ж тебя обидел? Ты мне скажи, я их…

И снова Света подумала, что Женька осознала и хочет извиниться.

– Мы же с тобой подруги…

До Светы вдруг дошла нелепость ситуации. Она поняла, что над ней издеваются, и от этого ей стало еще хуже. Она уже не сдерживала слез.

– Девочки, отпустите меня. Пожалуйста.

Вдруг Женя отстранилась. Ее лицо стало серьезным. Даже злым. Верхняя губа затряслась. Света даже подумала, что Женька сейчас зарычит. Но она не зарычала. Женя растянула губы в хищной улыбке и спросила:

– Ты и Тему так же умоляла, чтобы он тебя трахнул?

– Нет! Нет! Он не трахал меня! – закричала Света и зарыдала.

– Да ну?!

Откуда взялись Артем и Стас, Света не увидела, но, судя по их наглым ухмылкам, они наблюдали за издевательствами давно.

– Расскажи, как ты умоляла меня засунуть тебе поглубже, – усмехнулся Артем.

Свету как ледяной водой обдало. Она на секунду затаила дыхание, а потом выдохнула нахлынувшую обиду.

– Мы же хотели позаниматься физикой! – Рыдания заглушили фразу, но Женька услышала ее.

– Теперь это так называется? – прыснула она. Надя и Влада тоже засмеялись. Стас криво усмехнулся.

– А со мной позанимаешься физикой? – спросил он.

Тишина. Гребаная тишина подкупала. Света даже решила, что Стас говорит серьезно. Она всхлипнула и сказала:

– Мой учебник остался там, на крыше.

Смех, словно взрыв, разорвал тишину. Света, все еще не понимая, над чем смеются ребята, смотрела на них мокрыми от слез глазами.

– У меня есть свой, – сквозь смех сказал Стас и схватил себя за пах.

Новый взрыв хохота заставил Свету вжать голову в плечи. Она уже не плакала. Она плохо соображала, что происходит, и думала только о том, что когда это все закончится, ей надо будет принять ванну.

* * *

Александр посмотрел на часы. Было без десяти минут восемь. Надо ехать за Сережкой. Лида, как всегда, задерживалась. Он не мог вспомнить, когда именно это началось. Но где-то в глубине души он знал, что обвинения в приставании к Жене, к девочке-подростку, сыграли свою роль. Пусть они были ни на чем не основаны, и он действительно был не виноват, тем не менее Лида как-то отдалилась. Стала задерживаться на работе, раздражалась по пустякам. Сережке доставалось больше всех. Лида набрасывалась на ребенка за то, что он слишком громко разговаривал с другом по «Скайпу». Саша заступался за сына и тут же «огребал» за разбросанные носки. Надуманные причины раздражали Истомина. Он готов был уйти куда-нибудь и переждать бурю, но не мог оставить Сережку наедине с матерью. «Кому рассказать, не поверят, – думал Саша. – Сын боится матери, словно она мачеха». Тишина наступала мгновенно. Лида садилась перед зеркалом краситься. В помещении повисало напряжение ровно

до момента, когда хлопнет входная дверь. Она уходила всегда. После ссоры, спровоцированной ей же, Лида уходила.

«Лидка загуляла», – говорила ему мама, когда Саша просил ее забрать Сережку на пару дней к себе.

– Мама, не лезь, – отвечал он ей, а сам думал: «Лидка загуляла».

Лидка загуляла, мать ее! Он раздраженно ударил ладонью о стол и резко встал. Табурет опрокинулся на пол. Саша еще раз посмотрел на часы и вышел в прихожую. Сегодня же он выяснит, где она пропадает вечерами. Вот оно, равенство полов. Теперь жену постирать не заставишь. Чуть что – в крик, хлопает дверью… Нет, Саша не был мягкотелым подкаблучником. Он считал, что равенство, конечно же, должно быть. Семья, построенная на доверии и взаимопонимании – это лучшая семья. Чего в их конкретной семье не наблюдалось. Точнее так: он слишком доверял ей и понимал ее. А со стороны казалось, что он тряпка и подкаблучник.

– Ты не можешь вздрючить как следует свою бабу, – говорил отец. – Ты не видишь, что ей вожжа под хвост попала?!

– Иди отсюда, вздрючиватель, – кричала на него мать, и он, словно побитая собака, прихрамывая, выходил из комнаты. – Свою вожжу он не замечает, – бросала вдогонку ему мама, и Саша все понимал. Он такой же, как отец. Нет, не подкаблучник. Он просто человек, строящий свою семью на доверии и взаимопонимании. Человек, не понимающий, что их контракт на строительство уже давно разорван в одностороннем порядке.

«С другой стороны, – думал Истомин, – разве плохо, когда твоя женщина свободна? Для нее, возможно, хорошо. А для тебя? Давно ты начал догадываться, что Лида гуляет? Ты этого просто не хотел замечать. Пока тебя, словно обоссавшегося щенка, не ткнули в лужу у двери. И даже тогда ты фыркал и отворачивался».

– Решено. Как только она придет, я с ней поговорю.

– К черту разговоры! Вздрючь ее! – наставлял его отец, пока мама не слышала.

Глава 2

Ни «вздрючить», ни поговорить Истомин вчера так и не решился. Он съездил за Сережкой, а когда вернулся, Лида была дома и без умолку болтала с кем-то по телефону. Саша сел готовить отчет. Когда выключил компьютер, Лида и Сережа уже спали. О разговоре Истомин вспомнил только утром, и возможные измены супруги уже не казались такими реальными. Но он все-таки решил не отказываться от разговора, Саша просто откладывал его на неопределенный срок.

Истомин решил устроить сегодня выходной. Надо было привести в порядок балкон. Он собирался утеплить его еще в прошлом году. Да и программу «Санитар» нужно установить, пока пацан не нахватался ненужных знаний.

Саша позвонил на работу, сослался на подорванное здоровье на объекте, пообещал восстановиться к среде, то есть завтра быть на работе как штык. Едва он положил трубку, раздался телефонный звонок.

– Да, – ответил он, даже не взглянув на определитель номера.

– Сынок…

«Мама», – облегченно выдохнул Истомин.

– Сынок, как у вас дела?

– Все нормально, ма. Мы же вчера только с тобой разговаривали.

– Как Лидонька?

Это что-то новенькое. Мама никогда не спрашивала о Лиде. Тем более она никогда не называла ее Лидонькой.

– Что случилось, мама?

– А ты не знаешь?

– Ой, мам! Только не начинай, – Саша устал это слушать, но под ложечкой у него все равно засосало.

– Как ему плохо, он к маме бежит, а как мама дело говорит, мама заткнись…

– Я так не говорил, – поспешил оправдаться Истомин.

– Нет, говорил, – настояла на своем женщина.

– Хорошо… – согласился Саша. – Что ты хотела сказать?

– Ну, я не знаю…

Саша едва не взвыл. Нащупал на кресле пульт, включил телевизор и приготовился слушать нотации мамы.

– В Подмосковье учащаяся кулинарного колледжа отравилась «Белизной»…

Фраза диктора «Новостей» прозвучала словно гром среди ясного неба.

– Твою Лидку видели вчера с каким-то мужиком у метро «Аннино».

– Что? – переспросил Саша. Он не совсем понимал, что происходило на экране. Голос в трубке вообще казался чужим и говорящим какой-то бред. Истомин сделал звук на телевизоре громче.

– В Подольском районе Московской области вечером 6 августа учащаяся профессионального училища пыталась покончить жизнь самоубийством.

– Ты слышал меня? – прохрипела трубка у уха.

Саша дернулся и посмотрел на телефон так, будто все это время держал у головы раскаленный утюг. Потом, сообразив, что все еще разговаривает с

мамой, произнес:

– Ма, я перезвоню, – сказал и нажал отбой.

Новость захватила его внимание.

– Шестнадцатилетняя девушка употребила «Белизну». Об этом нашему корреспонденту сообщила старший помощник руководителя СУ СКР региона Софья Качалова. Она отметила, что девушка находится в районной больнице. Ее мать предполагает, что дочь поругалась с другом, это и могло спровоцировать попытку суицида.

«Конечно. Как я сразу не понял? Неустроенность, мать ее, в личной жизни».

– Установлено, что девочка является учащейся кулинарного колледжа, она получает специальность повара-кондитера. Родом из поселка Быковка. В Подольске проживала в общежитии учебного заведения. В день происшествия гостила у сестры, которая живет в Климовске. Собственно, из квартиры родственницы учащуюся колледжа и доставили с отравлением в больницу. Подольским районным следственным отделом по факту отравления проводится доследственная проверка. Выясняются обстоятельства происшествия, а также причины и мотивы, которые побудили шестнадатилетнюю девушку выпить «Белизну». По результатам проверки будет принято процессуальное решение.

Вот так-то. Хоть эта жива осталась.

Он собирался выключить телевизор и позвонить матери.

– Добавим, – услышал он тот же ровный, без эмоций голос диктора, – что в Московской области с 1 сентября по 1 октября 2012 года зафиксировано 30 случаев самоубийств и суицидальных попыток среди несовершеннолетних.

Саша выронил пульт, и «картинка» потухла.

* * *

Тридцать! Тридцать человек! Тридцать смертей от «неустроенности личной жизни». Черт бы побрал эти СКР, СУ и все остальное! Тридцать детей за месяц. По ребенку в день. Это не может быть совпадением, это как минимум целенаправленное доведение до самоубийства. В его детстве такого не было. Истомин знал причину – телевидение и Интернет. С экранов на детей льются грязь и разврат. И если родители не успевают вовремя перекрыть доступ к опасной информации, то дети находят единственный известный выход избавиться от этой грязи – покончить с собой. А все эти люди, прячущиеся за аббревиатурами, произносят перед телекамерами заученную фразу: неустроенность в личной жизни. А ведь они почти все – родители. Неужели им не приходило в голову, что с их ребенком может случиться подобная «неустроенность». Судя по всему, не приходит. А вот Истомину приходило. Причем с завидной регулярностью. Как только он слышал новость об очередном самоубийстве, в душу закрадывалась тревога. Тревога за сына. Да что там за сына?! Он переживал каждую смерть, будто это смерть племянника как минимум. А эти СУ и не чешутся.

Истомин вошел в комнату ребенка. Сел на вращающийся стул и посмотрел в черный экран монитора. Неужели это великое изобретение человечества способно довести до самоубийства? У его создателей вряд ли были такие цели. У изобретателей топора тоже первой мыслью было создание орудия труда. И только со временем homo sapiens нашел ему еще одно применение. Только вот Интернет похлеще топора будет. Это оружие массового поражения можно поставить в один ряд с водородной бомбой.

Истомин крутанулся на стуле. Осмотрел комнату и тут же отругал себя. Он выискивал предметы, которые могли навредить ребенку. Черт возьми, эдак ты скоро поместишь сына в резиновую комнату с прикрученной к полу мебелью. К тому же на данный момент единственный предмет, который может навредить, стоял перед ним.

Он включил системный блок. Цифры забегали по черному экрану монитора. Еще десять лет назад Саша и представить себе не мог, что сможет хоть что-то проделать с компьютером. В студенческие годы это вообще было проблемой. Сдача зачета по информатике и программированию была непростым делом, которое в конце концов решалось приятной для преподавателя суммой в зачетной книжке. Истомин считал (и тогда, да и сейчас), что программирование ему в жизни не нужно. Все эти Fortran и Basic могли пригодиться только программистам. Человеку средних способностей, пусть и с высшим техническим

образованием, такими знаниями обладать острой нужды нет. В чем он за пять лет пользования компьютером научился разбираться, так это в Microsoft Office и AutoCAD. И то потому, что от него требовали этих знаний на работе. Не овладей он ими в кратчайшие сроки, работал бы сейчас монтажником.

Система загрузилась, и на Сашу, открыв крокодилью пасть, уставился Тирекс. Сережке нравились динозавры. Каждую неделю он менял картинку на рабочем столе. Каждый раз там был новый динозавр.

Истомин взял с полки коробку с программой «Санитар». Еще раз осмотрел ее, будто решая, устанавливать или нет. Решился и начал быстро, с каким-то остервенением рвать обертку. Он спешил, словно боялся быть застигнутым врасплох. Сорванную пленку скомкал и бросил на стол перед собой. Достал диск и вставил в DVD-привод. Старенький дисковод зашумел, и на мониторе появилась таблица выбора дальнейших действий. Саша нажал «загрузка» и принялся ждать.

* * *

Света проснулась с опухшим от слез лицом. Она проплакала весь вечер и почти всю ночь. Хорошо хоть родители уехали в Москву к тетке, а старшей сестре не до нее. Она пришла около полуночи с каким-то парнем, закрылась у себя в комнате, а к Свете так и не зашла. Она все время вспоминала, как они издевались над ней. Артем ударил ногой по лицу. Света на несколько секунд отключилась. Понимать хоть что-то она стала, уже лежа на земле.

– Вставай, лохушка! – приказала Женя. – Вставай! Чего разлеглась? Или ты хочешь, чтобы Стас теперь позанимался с тобой… Физикой?

Смех, мат и снова удары. А сучка Надя продолжала снимать на мобильник, что-то бормоча себе под нос. Она словно шептала молитву, оберегающую ее от нападок Жени.

Света попыталась встать. Голова еще кружилась, и Мечникова упала на колени. Когда она попыталась встать снова, к ней кто-то пристроился сзади и под громкий хохот начал имитировать половой акт. Мечникова попыталась вывернуться и посмотреть на обидчика, но сильный удар снова повалил ее на

землю.

«Почему?! За что они со мной так поступают? Они поступают со мной как…» Она знала это слово, но оно было плохим. А мама ее учила не только не произносить скверных слов, но и не думать о них. «Они поступают со мной как со шлюхой», – выпалила она про себя и всхлипнула.

– Что я вам сделала?! – выкрикнула девочка и зарыдала.

Она больше не вставала. Света лежала, свернувшись калачиком, и плакала. А еще она ждала, когда все это закончится. Мама всегда ей говорила, что плохое рано или поздно заканчивается.

Когда это все закончилось, она не знала. Света просто почувствовала, что ее уже не бьют. Она еще раз шмыгнула носом, будто хотела уловить запах обидчиков, и начала подниматься. Никто не засмеялся, не ударил ее и не пристроился сзади. Она была на аллее одна. Они сделали свое дело (унизили ее) и ушли. Свете снова стало горько на душе, и она заплакала.

Перед домом Мечникова остановилась и осмотрела себя. Одежда была кое-где грязной, а так в целом она выглядела прилично. Перед подъездом она снова остановилась и, глубоко вдохнув, прошла мимо замолчавших соседок. Света знала, они найдут, за что зацепиться. Старушки и замолкали-то только для того, чтобы оценивающе осмотреть прохожего, а потом обсудить двойную стрелку на брюках, свитер с коричневым пятном от кофе или «туннели» в ушах у Андрюхи с пятого этажа. Вообще, обсуждение молодежи было у них на первом месте. «Туннели», пирсинг в пупке, протертые до дыр джинсы. И если в подъезд по какой-то причине пройдут двое – мужчина в рубашке с грязным воротничком и парень с выбритыми висками, воротничок останется незамеченным, их целью будет тинейджер.

Дома Света сразу же пошла в ванную. Набрала воды, разделась и посмотрела на себя в зеркало. Маленькие груди напомнили ей о причине сегодняшних издевательств. Она резко прикрыла грудь. Но посчитав, что этого мало, закрыла глаза. В ванну Мечникова легла, так и не открыв их.

Она не могла успокоиться. Мысли путались. Света не могла понять: за что?! А еще больше она не могла понять, почему Артем с ней так поступил. Зачем он

соврал, что занимался с ней… любовью? Зачем эта наглая ухмылка? Он хвастал. Точно! Ему до этого никто не отказывал. А тут какая-то замухрышка, зубрящая физику, взяла и сказала: нет!

– Замухрышка! Лохушка! Чмошница!

Слова звенели в ушах настолько сильно, что Света даже испугалась. Она открыла глаза. Нет, конечно же! Кто бы их пустил к ней в квартиру? Но она на всякий случай отдернула шторку и убедилась, что в ванной комнате одна. Но от этого ей не стало легче. В одиночестве зачастую человека одолевают мысли. Особенно если они горестные. И одна из них, самая настойчивая, все чаще давала о себе знать. Мысль о самоубийстве, как единственном выходе из сложившейся ситуации, уже кулаками стучала в дверь ее сознания.

* * *

Истомин не думал, что будет так сложно. Загрузка несколько раз останавливалась, предлагая установить какие-то программы. Однажды сработал антивирус, предупреждая о вредоносном содержимом. С подобным Саша уже сталкивался, поэтому принял решение отключить его на десять минут. В области уведомлений вращающийся оранжевый шарик с литерой «а» остановился, и на нем появился запрещающий знак. Это значило, что теперь антивирус не нес никакой ответственности за безопасность компьютера. Что и требовалось. За десять минут он скачал то, что было нужно для установки программы «Санитар». И едва антивирус начал сканировать компьютер, Истомин нажал кнопку «запустить» в небольшом меню. Основной процесс установки занял не более пяти минут. В правом нижнем углу появился маленький значок – голова в колпаке с красным крестом. При наведении курсора появлялась надпись: «Ваш ребенок защищен». Очень хотелось в это верить.

Стало ли Саше легче, спокойнее после этого? Трудно сказать. Но все же некоторую тяжесть с плеч он скинул. На фоне самоубийств в области, да и по стране его боязнь за ребенка выглядела более или менее нормально. А так, если посмотреть со стороны, – паранойя паранойей. Улица несет не меньше опасностей. И тут ты не поставишь защитную программу. Да и телохранителя не наймешь. С такой-то зарплатой! А сам за ним не находишься. Во-первых, это очень ограничивает ребенка (постоянный контроль родителей напрягает, особенно в подростковом возрасте), ну и, во-вторых, надо ходить на работу.

Саша с первого класса давал Сереже свободу. Псевдосвободу, если угодно. Мальчишка не хотел, чтобы его провожали в школу с первых дней. Благо школа находится во дворе дома. Саша выходил за сыном, поправлял рюкзак и делал вид, что заходит в квартиру. Потом снова выходил на площадку и смотрел в окно подъезда. Когда Сережа заходил в школу, Истомин возвращался в квартиру. Мальчишка думал, что самостоятелен, а отец не мешал ему так думать и при этом был в курсе событий. Саше так казалось. На самом деле за железной дверью, внутри школы, с его малышом могло случиться все, что угодно. Он мог упасть с лестницы, порезаться стеклом, подавиться во время обеда…

«Черт возьми! Истомин! Вот это и есть настоящая паранойя! Вспомни себя в его годы!»

И он вспомнил. Они бегали по крышам гаражей, лазали по заброшенному дому, плавали на плотах по заполненному водой котловану. И пусть плотом служила старая, в облупившейся краске дверь, им все равно было интересно. Интересно! Никто из них не думал, что отец или мать сейчас стоят за кустом, даруя своему чаду псевдосвободу. Потому что такого не было. Потому что у них была настоящая свобода. Они были счастливыми детьми, не знавшими педофилии и издевательств школьников постарше. У них не было этих зверств, чтоб впятером одного, чтоб лежачего ногами по голове. Они если и дрались, то один на один и всегда до первой крови. И простое правило – лежачего не бьют – не вызывало смех, как сейчас.

Он фактически не знал, что происходит с его сыном в школе. Озлобленные подростки готовы были унизить ребят-одиночек ради развлечения. Александр очень надеялся, что его мальчик – не одиночка.

* * *

Света встала с кровати. Легче не стало. Мысли о самоубийстве никуда не делись. Они пока не стучались, но Мечникова знала, что к вечеру они снова станут одолевать ее. Она прошла в ванную. Умылась и только после этого посмотрела на свое отражение. Левый глаз был красным от лопнувших капилляров. Левая скула болела. Света вспомнила, как этот подонок запросто ударил ее по лицу ногой, будто она была боксерским мешком. Она вспомнила, как они смеялись после этого. Света знала, что Женька и ее команда издевались

над ребятами помладше, но она никогда не могла даже представить, что когда-нибудь окажется на месте этих «лохов» и «чмошников».

– Лохушка! Что ты воешь?! Тебя разве кто-то обижает? У-у-у я им! Кто обижает чмошницу?!

Звонко, отражаясь от кафельных стен, раздался голос Жени. И только когда Света снова посмотрела в зеркало, она поняла, что голос хулиганки звенит у нее в голове. Мерзкий голос обидчицы раздражал, от него тошнило. Живот свело, и Свету вырвало. Она сплюнула липкую, тягучую слюну. Подставила лицо под струю холодной воды. Некоторое время она не слышала голоса Жени, ни единой мысли не приходило ей в голову. И от этого ей стало так хорошо, что снова захотелось жить. Но Света знала, что, убери она лицо от струи и открой глаза, ее снова обдаст жаром стыда и безысходности. И снова вернутся эти слова: чмошница, лохушка. И снова она захочет убить себя.

Мечникова выключила воду, схватила полотенце и вышла из ванной. Голоса больше не появлялись. Света вытерла лицо, подошла к компьютерному столу и села на вращающийся стул. С класса пятого у нее не было друзей. Как-то так случилось, что они вдруг взяли и исчезли. Либо она отдалилась, либо ее сверстникам было интереснее не с такими зубрилами, как она. Вот тогда-то в ее жизни и появился компьютер со всеми составляющими в комплекте. Интернет был одним из них. Друзья в сети «ВКонтакте», в «Одноклассниках» и «Фэйсбуке». Общение с виртуальными друзьями занимало львиную долю ее свободного времени. Ей было интересно с людьми под всевозможными никами. Она не исключала, что имена ее новых друзей вымышлены. Но ей было наплевать. Она знала, что и им, по сути, наплевать на нее. И именно поэтому ей никто из них не сделает больно.

Света проверила почту. Все как всегда – пять писем с сайта «ВКонтакте», три с «Одноклассников», четыре письма с разных адресов. Несмотря на наличие отдела для спама, почтовый ящик большую часть не определял, тем самым напоминая мусорную корзину. Мечникова просмотрела письма только от знакомого отправителя. На сайте «ВКонтакте» пришли личные сообщения. Она нажала на первое и едва не отшатнулась. С аватара на нее смотрели маленькие злобные глазки.

* * *

Компьютер будто завис. Вот уже больше сорока минут ничего не происходило. Саша и меню нажимал, и Ctrl + Shift + Esc, и Ctrl + Alt + Del. Комбинации клавиш, вызывающие окно «Диспетчер задач», не принесли никаких результатов. Истомин уже собирался выключить компьютер из розетки, когда на экране появилось окно завершения установки программы «Санитар». Предлагалось перезагрузить компьютер сейчас или позже. Он выбрал «сейчас» и с замиранием сердца принялся ждать подвоха. Но через пару минут облегченно выдохнул. Компьютер работал, как и до его вмешательства. Как именно программа работает, Истомин проверять не стал. Он догадывался, что она должна блокировать все, что может навредить психике его ребенка. Саша очень надеялся, что депутаты Госдумы не приложили руку к созданию этой программы, а то Сережке теперь не посмотреть даже любимый мультик. Решение ввести цензуру на «Ну, погоди!», прямо сказать, возмутило Истомина. То есть, по их мнению, всем, рожденным в СССР, был причинен вред здоровью и развитию? Ну, судя по законам, которые они принимают, либо их развитию действительно причинен ущерб, либо они родились где-нибудь на Марсе, а в 90-е высадились в России.

Саша выключил компьютер. Еще немного посидел на месте сына. Осмотрел его комнату. Прикинул, сможет ли понять, если его ребенка станет что-то беспокоить. Нет, ни черта он не поймет. Ему нужен диалог с сыном. Ежедневные «как дела?» и «что в школе?». И не просто, а с анализом каждого слова. Нет, это понятно, что Истомин не психолог и, вполне возможно, ничего не поймет, но попробовать надо. А когда зайдет в тупик, вот тогда и обратится к спецам.

Истомин вышел на балкон. Открыл одну из створок и взглянул вниз. Вначале, когда они только въехали в эту квартиру, еще до рождения сына, внизу был пустырь. Сейчас же под балконом выросла небольшая рощица. Саша вспомнил свое детство. Он тогда даже еще в школу не ходил. Летом его отправляли к деду в Тулу. И все бы хорошо, но вот только когда приезжала тетка – родная сестра мамы, вся его счастливая жизнь накрывалась медным тазом. Причем практически в прямом смысле. Теткина опека ограничивала его во всем. Если дед разрешал покупать мороженое, то у тетки был один ответ: горло заболит. Если дед разрешал гулять, то тетка: пусть уберется в комнате. Сейчас, конечно, Саша понимал, что дед попросту его баловал, а тетка была права, но тогда… Она не пустила его гулять в очередной раз. И тогда маленький Сашка, эта шестилетняя сопля, решил: хватит. О чем незамедлительно оповестил тетю и вышел на балкон. Зачем тогда делали шпингалеты с улицы, Истомин до сих пор не понимал. Но именно этот шпингалет ему и помог. Уже с балкона из-за

закрытой двери Саша предупредил любимую тетю, что если она его не отпустит, то он выйдет сам. С балкона. Она не поверила, что он на это способен. Сначала. Но когда он лег на пол и просунул ногу в щель, она закрыла рот рукой и округлила глаза. Саша прекрасно понимал, что лезть через перила было бы ошибкой, причем роковой. Поэтому-то он и выбрал такой путь. В щель между полом и перилами едва проходила его нога, то есть ребенок, даже шестилетний, туда бы не пролез. Но тетка этого не заметила. Она была слишком напугана, чтобы хоть что-то заметить.

Тетка не разговаривала с ним два дня, но зато он гулял и ел мороженое. Воспоминания о выбивании свободы вызывали улыбку. Но как только Саша подумал о том, что если бы с ним так поступил его сын, улыбка слетела с губ. Он настолько явно представил себе Сережку, стоящего на подоконнике в собственной спальне, что ему стало жутко. Ноги подогнулись и тут же выпрямились. Он выстрелил, словно пружина, и понесся к спальне сына. Но там никого не было. Истомин был в квартире один.

* * *

Света не могла оторвать глаз от злобного взгляда Женьки. А еще она боялась прочитать то, что ей написала эта тварь. Ничего хорошего там не будет, это уж точно. Мечникова поняла, что они не оставят ее в покое. Никогда.

На сообщение Света нажала случайно. Она хотела посмотреть потом. Мечникова почему-то боялась, что Женька узнает, что Света прочитала это сообщение, и придумает еще что-нибудь страшное.

– Чмошка любит физику? – зазвенело в голове, и Свете захотелось кричать. Но она не смогла. Она потеряла дар речи. В сообщении было всего два слова и ссылка.

«Смотри, сучка», – гласила надпись. Если бы даже не было этих двух слов, Мечникова все равно бы поняла, что эта ссылка на видео. Она часто заходила на «Ютуб» и смотрела приколы. Что-то ей подсказывало, что сейчас ничего смешного (по крайней мере, для себя) она не увидит. Но рука самопроизвольно дотронулась до мыши. Появилось окошко, спрашивающее разрешение на переход на неизвестный сайт. Света незамедлительно дала его. Она трижды прокляла себя за это, но все равно решила посмотреть на собственные мучения

(а это были они, девочка не сомневалась) со стороны.

– Мало тебе? – слова Артема, когда Света начала подниматься после удара ногой.

– Мало тебе, – повторила она про себя и нажала на красный треугольник.

Видео началось с того момента, когда Женька обняла ее и с издевкой спросила:

– Кто ж тебя обидел? Ты скажи, я их…

Дальше Света смотрела не отрываясь. Сквозь слезы, иногда всхлипывая, она смотрела на издевательства. Ей казалось, что это не она лежит в грязи, а какая-то несчастная девочка, случайно зашедшая к ним на район. Света поняла, что в ней закипает злость. Необоснованная злость на эту чмошку, что валяется в ногах у одноклассников. Ярость стала невыносимой, и девочка до хруста сжала в правой руке компьютерную мышь. Света наконец-то расслышала, что шептала Надя.

– Вот так-то Светочка. Это тебе за то, что ты мне списать не дала в третьем классе, – раздалось за кадром.

Мечникова даже не поверила своим ушам. Она подумала, что ярость слишком отвлекла ее от звуков. Света остановила ролик, вернула назад и посмотрела еще раз. А самое главное – послушала. Надя действительно злорадствовала, припоминая какую-то обиду шестилетней давности.

«Эта тварь страшнее Женьки будет, – вдруг подумала Мечникова. – Если Женька ложилась спать бандиткой, то и просыпалась ею же. А вот с Надеждой куда как сложнее. Она могла быть милой, пока это ей выгодно. С такими людьми трудно предугадать, когда ей в следующий раз будет выгодно улыбнуться тебе. А может, ей в этот момент выгоднее пнуть тебя, пока ты стоишь…»

На экране Света стояла на четвереньках, а Стас прильнул к ее ягодицам и двигал тазом, имитируя занятие сексом. Мечникова услышала смех. Даже дурацкий гогот Нади, которого она так стеснялась, пробивался сквозь шумы улицы. Света поймала себя на мысли, что прислушивается и пытается понять,

кто из изуверов смеется меньше. Зачем? Она что, хочет оправдать кого-то из них? Света не знала ответа на эти вопросы. И поэтому оставила эту затею, укрепившись в мысли, что человек, приютивший твоего врага, не сможет быть твоим другом. Они участвовали в этом все, значит, среди них нет и не может быть агнцев. Они все волки. Стая злобных волков. Только разве что Надя не вписывалась в их стройный ряд. Но и она была не овечкой Долли. Она скорее шакал, наживающийся на добыче других. Но Света почему-то не чувствовала к ним ненависти. Она ненавидела себя. Что ей мешало дать отпор этим мерзавцам? Вот сейчас, например.

На экране Женя схватила Свету за волосы и начала поднимать с колен. Мечникова причитала, хваталась за руки обидчицы, но сопротивления не оказывала. А ударь она Женьку? Просто надо было развернуться и ударить. Что бы они тогда выкладывали в Интернете? Как лохушка дала их лидеру по зубам? Да, Светке тогда пришлось бы худо, но у видео не было бы столько просмотров лишь потому, что сопротивления никакого не было.

Света не заметила, когда и чем закончился ролик. Она смотрела на экран, заполненный маленькими прямоугольниками. «Полиция ищет избивших девушку», «Изнасилование двухгодовалого ребенка», «Пусть говорят»… И еще, и еще, и еще… Скандальное видео, в котором издеваются над людьми, теперь востребовано. Света опустила глаза на количество просмотров. Сто пятьдесят три тысячи! И это меньше чем за сутки?! То есть теперь каждый, кто видел ее унижения, захочет пнуть ее? Пусть вероятность того, что из смотревших есть хоть один ее знакомый (кроме Женькиной банды, разумеется), была минимальной, ей стало очень плохо. Стыдно, противно и… Она никак не могла определиться с точным названием той смеси чувств, которые нахлынули на нее. Его можно было сравнить только с чувством обнаженной монашки, которую затолкнули в душ к заключенным. Несмотря на то что Мечникова видела и зэков, и монахинь только в кино, она, подобно обнаженной жертве, знала, что ее будут насиловать и унижать, но не знала, кто начнет первым.

* * *

Первым был Артур Судзиловский. Столько грязи в одном комментарии Света видела впервые. Она вообще оскорбления, да еще в свой адрес, видела впервые. Она ведь и дружить-то начала в Интернете лишь потому, что считала своих новых друзей такими же одинокими, как она сама. Одинокими и безобидными,

неспособными на оскорбления и унижения. Ошибочка. За всеми этими никами, смайликами и лайками сидели обычные люди. Порой озлобленные настолько, что только и ждут, когда ты оступишься, чтобы наброситься на тебя и разорвать. Мечникова не оступилась. Ее просто швырнули в грязь на растерзание шакалам.

К Свете вернулись мысли о самоубийстве. Причем так просто, будто и не уходили никуда, а тихо сидели и ждали своего часа.

Дальше были «шлюха», «потаскуха». Они готовы были обвинить ее во всех смертных грехах со слов Женьки и ее банды. И никто – НИКТО! – не пожалел ее и не осудил действия хулиганов. Один за одним они отписывались и выходили из друзей. Словно обратный отсчет, мелькали перед глазами 173 друга, 172 друга, 171… Обратный отсчет чего? Они, не зная ее, верили в то, что она спала с Женькиным парнем. Верили и считали, что видео правильное – шлюха получает по заслугам. А еще они больше не хотели с ней дружить. То есть общение с ней стало чем-то постыдным и отвратительным, будто она обгадилась и теперь бегала и обмазывала всех собственным дерьмом. Все ее сетевые друзья хотели быть от нее подальше.

100 друзей, 99 друзей, 98… Света уже знала, что как только отсчет закончится, как только на ее страничке появится надпись «У вас пока нет друзей», она пойдет в ванную и сделает то, о чем думала последнее время. Она сделает все правильно. 72, 71, 70… Ей очень хотелось, чтобы этот счет ускорился. 53, 52, 51… Но он будто замедлился. 49, 48, 47… И тут Мечникову будто током ударило. А что если… Сотни «а что если» завертелись в голове. А что, если кого-то сейчас нет дома? Или он еще не видел ролик? Или ему по барабану все эти житейские разборки – кто с кем и почему? Или (что во много раз хуже вышесказанного) он дома, посмотрел ролик, и ему не по барабану. Более того, ему жалко Свету Мечникову, и он обязательно пожалеет ее, и тогда ее план провалится. Тогда ей придется остаться в живых и дальше мучиться. Она так не хотела.

36, 35, 34… Она медленно откатилась от стола. 28, 27, 26… И уже собиралась встать, когда раздался звук оповещения о приходе нового сообщения. Было бы это обычным письмом – она бы и не взглянула, а так… Мгновенное сообщение появилось в левом нижнем углу.

– Привет! – значилось в рамке. – Хотел узнать, как у тебя дела.

Света посмотрела на ник. Dr Weber. Она не помнила друзей с таким именем. Хотя… Из 173 друзей… Из 173 бывших друзей один вполне мог быть и Dr Weber.

Она нерешительно написала:

Зачем?

Dr

Мы же друзья!

Чертова интернет-переписка! Скажи это человек ей в глаза – по интонации она бы поняла, лукавит собеседник или издевается.

Светик

Ты шутишь?

Dr

Нет.

Dr Weber отвечал не задумываясь или просто сидел в сообщениях, а не блуждал по бескрайним просторам Сети. В общем, он был онлайн только для нее.

Светик

Ты не видел ролик?

Она хотела ясности, но вдруг пожалела о том, что задала этот вопрос. Если он не знает о видео, то ей придется объяснять. А Света очень не хотела этого.

Dr

Видел.

Мечникова ждала, что сейчас появится вопрос: какое? Но вместо него появилось:

Dr

Подонки

Света не поверила своим глазам.

Светик

Ты это о ком?

Ответа не было долго. Она со страхом смотрела на надпись над окошком для ответов. Собеседник набирает сообщение. А когда сообщение появилось и Света его прочитала, то поняла: Dr Weber – ее настоящий друг. И она пойдет с ним на что угодно.

Глава 3

Алиса в последнее время много плакала. Говорят, в четырнадцать это нормально. Кто говорит? Друзья «ВКонтакте» и «Одноклассниках»? То-то и оно. Много они знают. Тем более многие из них могут быть и вовсе взрослыми придурками. Есть у нее в друзьях Жанна Фриске. Всем же ясно, что оригинал не станет размениваться на общение с сопливым подростком. А недавно Алиса вообще узнала, что под ником Жанна Фриске сидит жирный боров тридцати лет. Старый ублюдок признался ей, что ему приятно общаться с маленькими девочками вроде нее. Педофил херов!

Друзья в реальности ее избегали. Или она их. Неважно. Главное, что у нее не ладилась дружба ни в школе, ни на улице. Она часы напролет проводила у себя в комнате за стареньким «Ровербуком». Алиса любила общаться с неизвестными ей людьми. Жанны Фриске, Ван Даммы, Брюсы Ли и д-ра Айболиты – все эти безликие существа дарили ей общение, ничего не требуя взамен. Да у нее ничего и не было.

Вчера она подружилась с молодым человеком. Ей очень хотелось, чтобы это непременно был молодой человек. Хотя после жирного борова под ником Жанна Фриске всякое может быть. Новый друг так же решил не афишировать настоящего имени и назвался Dr Weber. Алиса была не против, тем более что она тоже предпочла остаться неизвестной. Ее ник был Anny Wilks. Естественно, что с этим персонажем четырнадцатилетний подросток имел мало общего. У нее был любимый писатель, но перестань он писать, Алиса не стала бы заставлять его. Или стала? Она не знала. Как оказалось, она многого о себе не знала. Человек способен на многое, а бунтующий подросток и вовсе может горы свернуть. Ей хотелось в это верить, и она в это верила. Алисе казалось, что Dr Weber считает так же.

Привет! – написала она.

Привет! – молниеносный ответ заставил ее улыбнуться.

Anny

Чем занимаешься?

Dr

Собирался тебе написать.

Надо же. Приятно.

Anny

О чем?

Dr

Я хотел у тебя спросить.

Anny

Спрашивай.

Dr

Не обидишься?

Она задумалась. Это что ж такое он хочет спросить, из-за чего она может обидеться? Да и черт с ним, пусть спрашивает.

Спрашивай, – уже не так твердо, как в первый раз, ответила она.

Dr

У тебя никогда такого не было, чтобы хотелось умереть?

Постоянно. Она едва не ответила. Впервые, насколько она помнила, ей хотелось умереть в четвертом классе.

Впервые, – написал Dr Weber, не дожидаясь ответа, – я хотел умереть в четвертом классе.

Алиса замерла. Она тогда хотела спрыгнуть с крыши собственного дома.

Dr

Я тогда хотел спрыгнуть с крыши собственного дома.

У них много общего. Если сейчас он скажет, что…

Dr

И все это из-за придурков-одноклассников. Они вытолкнули меня в трусах из раздевалки.

Нет. Это не ее случай. У Алисы, по ее мнению, было все хуже. Мать при всем классе сказала, что Алиса писалась в кровать до пяти лет. Сейчас бы ей,

возможно, было бы наплевать, но тогда… Когда твоя мать учитель русского языка и литературы, то к тебе приковано все внимание класса. Оскорбление с ее стороны прилюдно ведет…

Dr

А как у тебя дела с матерью?

Хорошо, – солгала она.

Dr

У меня тоже. Но только когда я не хожу на ее уроки.

Anny

Твоя мама – училка?

Dr

Да. Русский/литература.

Удивительно. Она так сильно была удивлена, что не смогла ничего написать.

Dr

Эй! Ты здесь?

Anny

Да

Dr

А знаешь, что я придумал по этому поводу?

Anny

Нет.

Dr

Если женщина кричит на тебя матом, то либо она знает тебя с пеленок, либо она твой учитель русского языка.

Anny

А в нашем случае это горючая смесь – училка, знающая тебя с пеленок.

Dr

Точно)).

Как они были похожи. Будто брат и сестра.

Dr

Но я не собираюсь с этим мириться.

Она сначала не поняла, о чем он.

Dr

Я знаю способ их наказать.

* * *

Лида вернулась около одиннадцати вечера. Сережа почистил зубы и собирался ложиться спать. Саша погладил одежду сына в школу и сложил гладильную доску. Лида, демонстративно никого не замечая, бросила сумку на кресло и пошла в ванную. Александр едва сдержался, чтобы не заорать. Он подошел к

двери в ванную и тихо постучал.

– Лида, как закончишь, зайди на кухню. Нам надо поговорить.

Лида ничего не ответила, но он знал, что она зайдет. Даже если нет, он ее за волосы втащит в кухню и усадит перед собой на табурет. Сегодня ей разговора не избежать.

Лида вошла в кухню, налила себе кофе и села за стол. Взяла сигарету и подкурила. Саша ждал. Лида выдохнула дым и глотнула кофе. Впервые за то время, что он ее знал, ему захотелось ударить ее. Впервые он почувствовал ненависть к ней. Животную… Нет! Скорее даже звериную ненависть. Истомину даже показалось, что он сможет ее убить. Ее надменный вид раздражал. Аристократка, бля.

Он схватил ее руку с сигаретой и ударил об стол.

– Хватит! – крикнул Саша.

Лида округлила глаза.

– Хватит, твою мать, делать вид, что меня здесь нет!

Лида вырвала свою руку и достала новую сигарету. Его злило, что она проделывала все молча. Она подкурила, выдохнула дым и улыбнулась.

– А тебя и нет.

Волна ярости нахлынула, едва не потопив разум. И только присутствие ребенка в квартире помогло ему удержать себя в руках.

– Объяснись, – потребовал Саша и сел за стол.

Он терпеть не мог, когда она курила в квартире, но сегодня он решил не заострять на этом внимания. Есть более важные проблемы, чем соблюдение правил, принятых в их семье.

– Слушай, Истомин…

Столько яда в этих двух словах. Когда она в последний раз называла его по фамилии? В институте? Да, наверное. Но тогда в ее словах не было столько неприязни и отвращения.

– …тебе нужно за шиворот нагадить, чтобы ты понял, что тебя не хотят?

Истомин задумался. Он засунул подальше свои эмоции и попытался рассуждать здраво. Чего ей не хватало? Первое, что пришло на ум, – деньги. А чего же еще, черт бы ее побрал?!

– В каком смысле «не хотят»? – закинул удочку Саша.

– В прямом, – просто ответила она и потушила сигарету.

Саша думал, что она сейчас встанет и уйдет. Но Лида глотнула остывшего кофе, взяла новую сигарету и подкурила.

– В прямом, – повторила она. – Ни раком, ни боком, ни даже в одной квартире. Доходчиво?

Что он мог сказать? Желание ударить было единственным. И он ударил по столу. Сильно, так, что ладонь обожгло болью.

«Тварь!» – крутилось на языке, но он не хотел уподобляться ей и опускаться до оскорблений. Хотя очень хотелось.

– Ты можешь мне объяснить, в чем дело?! – повысив голос, спросил Саша.

– Не ори.

– Что тебе нужно? Деньги?

Лида засмеялась. Как-то неестественно, будто ее заставили это сделать.

– Ничтожество. – Она не скупилась на оскорбления. – Неужели ты думаешь, мне от тебя что-то нужно? Что ты можешь дать? О каких деньгах ты спрашиваешь? – Она снова засмеялась.

Желание ударить ушло, теперь он хотел ее убить. И он непременно это сделал бы, если бы не Сережка.

– Родители, вы можете потише?!

Саша задумался, анализируя собственные слова. Нет, он не оскорблял ее, не ругался матом. Он сдерживал себя, даже когда, казалось бы, ситуация выходила из-под контроля. Саша мог повысить голос, но никогда не позволял себе оскорблять людей. Он считал, что подаст плохой пример своему ребенку, если будет выражаться при нем.

– Ну что, доволен? – язвительно спросила Лида.

– Мы еще не закончили, – огрызнулся Саша и вышел из кухни.

* * *

Свету нашла старшая сестра.

Анжела никогда не заходила к ней в комнату, а тут решила зайти и поговорить. Анжела на правах старшей всегда выбирала тему разговора сама. Поэтому-то общалась с сестрой редко. А сегодня ее так и подмывало рассказать Светке о новом приятеле. Лариска с предками укатила в Питер, Маринка никогда не дослушивала до конца, постоянно перебивала – и вообще была плохим слушателем. А Анжелке нужен был именно слушатель, а не собеседник. Вот и пал у нее выбор на младшую сестру. Если бы та попыталась перебить, то Анжела (опять же на правах старшей) шикнула бы на нее и продолжила свой рассказ о шикарном теле Андрея.

Света висела, словно зловещая кукла. Анжела даже не сразу поняла, что здесь никто не шутит. Мозг отказывался переключаться от пыхтящего на ней Андрея на самоубийство сестры. Нет! Нет! Не самоубийство! Это наверняка убийство или несчастный случай. Хотя… Она попробовала представить себе Свету,

меняющую лампочку. Может быть. Потом ее бьет током, и она попадает в петлю. Черт! Откуда здесь петля? И когда осознание трагедии кулаками застучалось в двери разума, Анжела поняла, это не несчастный случай. Что угодно, только не несчастный случай.

Анжела подбежала к сестре. Обхватила ее ноги и попыталась вынуть из петли. Она зарыдала, когда поняла, что ничего не получается. Порой ее плач переходил в вой, от которого в жилах кровь стыла. Анжела выбежала из комнаты. Через минуту вернулась с ножом. Попыталась дотянуться до веревки, но не смогла. Подняла стул, взобралась и не задумываясь перерезала веревку. Тело Светы с глухим стуком упало на пол. Анжела завыла еще громче. Она не знала, что делать. Позвонить родителям или в полицию? А что, если они обвинят ее? А что, если Светка еще жива? Тогда… Она достала телефон и набрала 112. Когда наряд полиции и карета «Скорой помощи» выехали по адресу, Анжела перевернула тело сестры лицом вверх, села на стул и начала рассказывать об Андрее. Иногда ее рассказ сбивался, заглушаемый плачем, но к приезду полиции она успела рассказать все, что собиралась до этого… До этого инцидента.

* * *

Сашу разбудил какой-то шум. Он лежал и прислушивался. Истомину показалось, что он слышит шум автотрассы, проходящей в ста метрах от их дома. Легкий ветерок прошелся по ногам, когда он спустил их с кровати. Где-то было открыто окно. Саша прошел в кухню, потом в зал. Балкон и окно кухни были закрыты. Оставалась комната Сережи. Саша медленно подошел к двери и толкнул ее. Сережа стоял на подоконнике в открытом окне и смотрел вниз на верхушки деревьев. Саша не знал, что ему делать. Окликнуть? А если ребенок испугается и сорвется вниз? Подкрасться и схватить его?

– Папа, не подходи! – услышал Истомин голос сына. – Я брошусь вниз.

Сережа говорил с отцом, так и не повернувшись лицом в комнату.

– Сынок, почему?

Черт возьми! Истомин не знал, что говорят в таких случаях. Он попытался вспомнить что-нибудь из фильмов. Но о самоубийстве подростков он ничего не

видел, а то, что вспомнил, использовать можно было разве что в параллельной вселенной. «Стой! Или моя мама будет стрелять» – первым пришло в голову. Там герой Сталлоне лезет спасать самоубийцу. Того достала забота мамы и все такое, но когда он узнает, что у его спасителя дела куда хуже, он просто покидает крышу, оставив Сталлоне наедине со своей проблемой. Это не годилось. Второй сюжет, всплывший в голове, был из фильма более серьезного. В «Смертельном оружии» герой Мела Гибсона после неудачных уговоров схватил несостоявшегося самоубийцу и прыгнул с крыши. Как вариант – неплохо. Подать пример, так сказать. Но в фильме герои падают на растянутый батут, а здесь, в жизни, батут порой некому растянуть.

– Папа, ты не поймешь!

– Сынок, давай поговорим.

Саша почувствовал, что ребенок задумался. «Может, он из-за Лидки?» – подумал Истомин. Дети ведь все понимают и чувствуют. В их семье уже давно разлад. Эта тварь не только на Сашу обозлилась, она и ребенка будто не замечала. Кукушка.

– Папа, – тихо позвал Сережа.

– Да, сынок, – как можно мягче ответил Саша.

– Ты меня спасешь?

– От чего? – Истомин понял, что плачет. – Конечно, сынок. Но от чего?

– От смерти, – просто ответил мальчик, так и не повернувшись к отцу.

– О чем ты говоришь, сынок? Ты так еще молод…

– Меня хотят убить.

Как он не додумался сам?! Мальчишке кто-то угрожает! Угрожает убить!

– Кто? Сынок, если ты не скажешь, кто хочет тебя убить, тогда я не смогу тебе помочь.

Мальчик как-то пригнулся и повернулся лицом к отцу.

– Папа…

Истомин очень надеялся, что это не ответ на его вопрос.

– Меня хочешь убить ты.

И в этот момент Сережа развернулся и прыгнул в окно. Саша успел только закричать… проснулся он от собственного вопля.

* * *

«Придурок», – услышал он голос Лиды.

Глаза долго привыкали к темноте. Он все еще не мог понять, где находится. Саша сел на кровати. Посмотрел на окно и тут же в мельчайших подробностях вспомнил ночной кошмар. Он резко вскочил, чем вызвал недовольный вздох жены, и побежал к спальне сына. Окно было закрыто, а ребенок спал на своей кровати. Одеяло сбилось в ногах. Как всегда. Саша подошел, укрыл Сережу и нагнулся, чтобы поцеловать.

– Пап, ты спасешь меня?

Саша дернулся и с ужасом посмотрел на спящего сына. Сережа причмокнул и перевернулся на другой бок. «Это у меня в голове», – подумал Саша. Поправил одеяло и поспешил выйти из комнаты.

Истомин не мог уснуть до самого утра. Он лежал и прислушивался. Ему казалось, что вот-вот он услышит скрип открываемого окна и сквозняк пробежит по полу, заструится вдоль кровати, забираясь под одеяло. А самое главное, Саша боялся, что сейчас прозвенит крик, полный боли и отчаяния. «Папа, ты спасешь меня?!»

От чего? От чего его надо спасти? Такие сновидения не появляются просто так. Наверняка его ребенка что-то беспокоит, а отцовское (в такие моменты хочется сказать материнское, но это не их случай) сердце это чувствует. Утром он решил немного обезопасить себя и ребенка. Конечно же в первую очередь себя. Так ему было бы спокойнее. Он снял все ручки с оконных рам. Даже с балконной двери. Сложил их в пакет и закинул под ванну. Одну ручку он все-таки оставил. Проветривать квартиру все-таки надо, да и на балкон выход нужен. Осталось придумать, куда ее деть, чтобы Сережа не нашел. Походив по квартире, он остановил свой выбор на собственной спальне. Саша подошел к кровати, встал на колени и заглянул под нее. Пыль лежала махровым ковром. Еще одна деталь, подтверждающая полное отсутствие женщины в их доме. По крайней мере, туда никто, кроме Истомина, не полезет, и ручка будет на месте. Саша встал, поправил покрывало на постели, отряхнул колени и вышел из спальни.

Спокойствие почему-то не пришло.

* * *

Достали! Именно, что называется, достали! Матери до него дела нет, а отец чуть ли не подглядывает за ним. Сережу больше бы устроило, если бы им обоим до него дела не было. По сути, папа не ограничивал его свободу, но эти его «тебя ничего не беспокоит?» или «ты же мне расскажешь, если что?». Бред! Что значит «если что»? Что ему сказать? Что вчера нашел свою сумку в мусорном контейнере на школьном дворе? А позавчера кто-то написал на доске «Томочка – лохопед»? Или как в марте кто-то зачеркнул на тетради в его имени СЕР и получилось «Истомин гей»? Как он мог об этом рассказать отцу? И дело даже не в том, что ему стыдно. Хотя и в этом тоже. Но его больше беспокоили дальнейшие действия отца. Он бы не стал упрекать его в трусливости, он пошел бы разбираться. А это чревато последствиями. Причем нехорошими, и в основном для его старика. Сергей еще помнил обвинения отца в приставаниях к Женьке. Пусть тогда все закончилось хорошо, но ощущение незащищенности осталось. Так ведь может каждый… и с каждым.

Сережке было интересно, издевались ли над папой в детстве. Даже если и нет, то сейчас его норовят пнуть все. Бабушка со своими нравоучениями, мама… С мамой вообще что-то происходит. Сережа еще помнил ее добрую улыбку и тепло ее рук. Он все еще помнил, но ни улыбки, ни нежных прикосновений давно не было. Мама была занята только собой. Вот поэтому-то Сергей и прятался в

Интернете от отстраненности мамы, от назойливости отца и, самое главное, от обид и унижений одноклассников. Интернет был миром, из которого Сережа не хотел выходить.

К школе Истомин подошел в восемь двадцать. Урок начинался в восемь тридцать. То есть до того, как прозвенит звонок, с ним могло случиться что угодно. Его могли толкнуть в спину, плюнуть на пиджак, отобрать сумку со сменной обувью и забросить в женский туалет, а там… Складывалось такое ощущение, что Женька там всегда. Она была на год старше и выше, наверное, на голову. Ее боялись все, и Сергей не был исключением. То ли случай с обвинением отца так врезался в память, то ли увиденные им издевательства над ровесниками. При виде этой девицы, больше похожей на заключенного исправительно-трудовой колонии, у Сережи душа уходила в пятки.

Он спокойно миновал раздевалку, поднялся на второй этаж и вошел в кабинет русского языка/литературы. Он уже ждал какой-нибудь колкой записи о себе на доске, но там было чисто. Странное дело, но и узурпаторы, мучающие его каждый день, сейчас будто не замечали Сергея. Он медленно пошел к своему месту.

– Так, расселись все по местам, – раздался за спиной голос Марии Васильевны. – Сегодня начнем раньше.

После «раньше» раздался такой гул, будто в классе сидели фанаты «Спартака», а вместо доски висела плазма, вещающая матч с их любимой командой.

– Так, тише-тише.

Мария Васильевна была одним из тех учителей, которые себя в обиду не давали. Историчка все время плакала от выходок Скороходова и Ефремовой. Они даже прозвали ее предмет не историей, а истерией. А плаксивую женщину – истеричкой. Англичанка за прошедший год сменилась дважды. Якобы зарплата не устраивала. Может, и зарплата. За такие деньги терпеть издевательства могли только подобные историчке, которой до пенсии нужно было доработать два года.

– Скороходик…

Только Мария Васильевна могла назвать Скороходова – Скороходиком, а Истомина – Томочкой. И никто ей возразить не мог. Ладно Сережка. Он и своим ровесникам, несмотря на занятия боксом, не всегда отпор мог дать. А вот с Артемом Скороходовым непонятно. Может, ему нравится быть Скороходиком? Что-то Истомину подсказывало, что назови он его так, взбучки ему не избежать. То, что дозволено Юпитеру, не дозволено быку.

– Скороходик, если ты мне сорвешь урок, неделю будешь мыть полы в кабинете. Итак, сели все по местам.

Сережа остановился у своей парты. Его стул был залит какой-то гадостью.

– Истомин, что ты там встал?

– Тут…

Он хотел показать на стул, залитый маслом, но его взгляд встретился со взглядом Скороходова. Артем провел большим пальцем по горлу и повернулся к любимой учительнице, сделав вид, что он ни при чем.

– Что тут?!

Мария Васильевна выходила из себя.

– Что ты там блеешь, Томочка?

– А можно, я с Шерстневым сяду?

Паша Шерстнев сидел за последней партой третьего ряда, у окна. Он всегда сидел один. То ли он никому не был интересен, то ли ему остальные были по барабану. Отличник, отгородившийся от коллектива. Сережа иногда думал, что Артем был ему ближе, чем Пашка. От Скороходова хотя бы знаешь, чего ждать.

– Давай, только быстро. За срыв урока будете полы мыть вместе со Скороходовым.

Сергей как можно быстрее уселся за парту. Мыть полы со Скороходовым значило их мыть самому под присмотром Скороходова.

– Итак, достали ручки, тетради. Быстрей, быстрей. Моисеева! Что ты возишься? Повторяю для особо одаренных. Достали ручки и тетради. Книги, Казаков, доставать не надо.

Сергей достал тетрадку и положил на парту перед собой. Нагнулся, чтобы найти авторучку. Пенал он не носил, поэтому ручка могла быть где угодно – и за подкладкой, и в любом из учебников.

– Открыли тетради. Пи-шем.

Слово «пишем» Мария Васильевна намеренно растягивала. И это значило, что что-то в данный момент ей не нравилось. Сережа очень надеялся, что не его возня.

– Истомин, пи-шем.

– Сейчас, Мария Васильевна, я ручку только… Вот!

Истомин достал ручку и показал ее всему классу.

– А где твоя тетрадь, То-моч-кин?

Истомин быстро глянул на парту, исцарапанную скучающими подростками. Тетради не было. Сережа медленно повернулся к Шерстневу. Тот сделал безобидный вид и открыл свою тетрадь.

– Где моя тетрадь? – прошипел Сергей.

– Где твоя тетрадь?! – заорала Мария Васильевна одновременно со звонком на урок.

– Так, – уже тихо добавила она, – начать раньше не получилось. Ну что ж, тогда мы закончим позже.

Мария Васильевна села за стол и открыла журнал.

– Акинин.

Высокий парень с прыщавым лицом дернулся и встал. Учительница даже не подняла на него взгляд.

– Ответь мне, Акинин, почему мы не начали до сих пор урок?

– Мария Васильевна, а мы его не начали?

Вот тут она не выдержала и подняла свои маленькие глазки на ученика.

– Будь добр, ответь на поставленный вопрос.

– Не знаю, Марья…

– Садись, два.

Учительница снова склонилась над журналом.

– Борисов.

Парень в спортивной куртке с логотипом Umbro встал.

– Скажи нам, Борисов, почему урок до сих пор не начат?

– Потому что, – начал Мишка Борисов, – Истомин не достал тетрадь?

– Ее украли! – выкрикнул Сережа.

– Слышишь, Борисов? Истомин тебе подсказывает, – Мария Васильевна испытывающе посмотрела на парня, улыбнулась и что-то написала в журнале. – За подсказку я снимаю с твоей оценки бал. Садись, кол.

– Ну, по алфавиту, я вижу, мы долго будем искать умного. – Она отвернулась к доске и ткнула наугад ручкой в журнал. Посмотрела и произнесла:

– Савушкина.

Истомин был поражен поведением учительницы русского языка. Такое она вытворяла впервые.

– Скажи нам, Савушкина, где тетрадь Истомина?

– Ее украли, – ответила девочка.

– Умничка. А кто ее украл?

Аня Савушкина посмотрела на Истомина, то ли ища поддержки, то ли обвиняя его в происходящем.

– Я не знаю, – едва не заплакав, произнесла Аня.

Мария Васильевна развела руками.

– Садись, очень плохо, два.

Аня всхлипнула и села. Учительница вызывающе осмотрела класс.

– Ну что ж, мне двоек не жалко…

– Мария Васильевна.

– Да, Шерстнев, – сказала учительница, но на Пашу так и не взглянула. Она смотрела на Артема.

– Мария Васильевна, я нашел тетрадь Истомина. Она упала под парту.

– Ты врешь! – взревел Сергей. – Ее там не было!

– Да?! А откуда же, по-твоему, я ее взял?!

– Ты ее украл!

– Хватит! – Мария Васильевна встала и резко опустила ладонь на крышку стола. – Шерстнев со мной к директору. Истомин со Скороходовым. Вам недельная уборка кабинета после уроков.

– А мне-то за что? – возмутился Артем.

– За срыв урока, – прошипела учительница.

* * *

Саша приехал на работу с большим опозданием. Оказывается, за те два дня, что он просидел дома, РЖД начало масштабный ремонт путей на участке Подольск – Москва. Пришлось добираться на автобусе, в который он смог попасть только усилием занесших его пассажиров. Простояв всю дорогу на одной ноге, он ни разу не вспомнил о самоубийствах и возможной угрозе его сыну. Вот что, оказывается, человеку нужно, чтобы отвлечься от мучающей его проблемы. Создать новую. Человек легко поддается панике и совсем забывает о том, что все эти проблемы – временное явление. Нет, конечно, сидеть и ждать, что все разрешится само собой, плыть по течению, так сказать, нельзя. Нужно искать выход. Самоубийство – это не выход! Он вспомнил об этом резко, будто кто-то намеренно сменил слайд в его проекционном аппарате. Сашу вынесли теперь уже из автобуса у станции метро «Бульвар Дмитрия Донского». Он посмотрел на часы. Его сегодня уволят. А если нет, то он уволится сам. На метро ему еще ехать минут сорок с одной пересадкой. А он уже опаздывал на полчаса.

Через пятьдесят две минуты Истомин вбежал по широкой лестнице в просторный холл и, переведя дыхание, уже шагом направился к «вертушке». Пропуск долго не хотел вылезать, зацепившись за подкладку. Он походил на нерадивого иллюзиониста, повторяющего раз за разом неудавшийся фокус. Наконец пластиковая карточка поддалась и вынырнула наружу. Охранник, казалось, зааплодирует ловкости Истомина. Но Саша сделал вид, что не замечает заинтересованности стража порядка, и после того, как загорелась зеленая стрелка, прошел, гордо подняв голову. Два лифта набились битком

курильщиками и любителями пятиминуток. Саша не курил и поэтому всегда находился на рабочем месте. Таких, как он, в их кабинете было двое. Тамара Львовна – без пяти минут пенсионерка и бесполезный работник. Порой Саша думал: лучше б она курила, тогда бы он меньше видел это сонное, вечно недовольное лицо. И Антон Переверзев – молодой человек, неизбалованный и просто хороший мальчишка. Истомину казалось, что в этом пареньке напрочь отсутствуют какие-либо вредные привычки. Глядя на него, он мечтал из своего Сережки вырастить такого же.

Войдя в лифт, он едва сдержался, чтобы не сморщиться. От женщин и мужчин разило табачным дымом, как из пепельниц. В кабинете было все как всегда. Тамара Львовна сидела в каких-то соцсетях. Он плохо разбирался во всяких «Одноклассниках», «ВКонтактах», «Твиттерах» и «Фэйсбуках». Нет, конечно, чисто визуально он одно от другого отличить мог, но какую из них облюбовала пенсионерка, он не знал. И если раньше она хоть как-то скрывала свое пристрастие, делая вид, что работает, то сейчас просто подняла голову на вошедшего, коротко кивнула и снова окунулась в царство ников, лайков и комментариев. Переверзев был, как всегда, весь в работе.

– Антон, привет.

– Здравствуйте, Александр Михайлович. – Переверзев поднял голову и улыбнулся.

– Завал? – спросил Истомин.

– Да не так уж, вот не могу найти новую планограмму торговой точки на «Юго-Западной». Там, похоже, были какие-то изменения по оборудованию. Придется ехать, выяснять на месте.

Истомин хотел сказать, что не надо. Делай как Тамара Львовна. Давай подрядчикам техзадание на основании старой планограммы. Но решил, что еще одного тунеядца он у себя в отделе не выдержит. Саша посмотрел на пустые места.

– А что, больше никого? – спросил Александр.

Антон снова оторвался от бумаг.

– На перекуре.

Истомин кивнул. Он так и знал. Сейчас на перекуре, потом по кружечке кофе, снова перекур, а там обед. И так изо дня в день. Отдел тянули Истомин и Переверзев. И дело даже не в перекурщиках и интернет-серфенгистах. Дело в руководителе. Два месяца назад Истомин занял место начальника отдела. Он был слишком мягок с подчиненными. А они относились к нему так, будто он вахтер дядя Толя. Сидит себе за конторкой и никак не влияет на рабочий процесс (перекуры, чаепития). Но он не дядя Толя, и Саша собирался это доказать.

* * *

Они будут ненавидеть его, а может, даже бояться, но относиться как к дяде Толе уже не будут никогда. Истомин распечатал шесть страниц с новыми правилами. К черту, новыми! Они были первыми и единственными. Раньше у них было только одно правило. Раз ты на рабочем месте (двор для курильщиков был одним из них), значит, ты работаешь. Теперь их немного больше. Целых шесть.

Первое. Рабочий день начинается с проверки почты (не в «Одноклассниках» и не «ВКонтакте»). На работе – рабочая почта.

Второе. Перекуры каждый час по пятнадцать минут.

Третье. Обеденный перерыв сокращается на полчаса. Вместо положенного часа обед длится тридцать минут. Почему? Смотрите пункт второй.

Четвертое. Рабочий день увеличивается на полтора часа. Мы работаем с девяти ноль ноль до девятнадцати тридцати. Почему? Смотрите пункт второй.

Пятое. На работе работаем.

Шестое. Каждый день в конце рабочего дня сдаем отчеты о проделанной работе за день. Почему? Смотрите пункт пятый.

Перечитав свое творение, Саша понял, что упустил одну немаловажную деталь. Он ни слова не сказал о некурящих сотрудниках. Почему, например, Антон Переверзев должен работать на полтора часа больше этих разгильдяев. Ну, с Антоном, положим, он как-нибудь разберется. Отгул даст или просто будет отпускать его, как всегда, в шесть ноль-ноль. Тамару Львовну можно смело причислять к курильщикам. От нее толку ровно столько, сколько и от них. Соцсети и чай – вот ее сигареты. Ничего, потрудится пару недель, как все, – глядишь, поумнеет. На старости лет. Истомин не понимал людей, доживших до седин, но не имеющих ни грамма самоорганизованности и ответственности. А таких он повидал, и немало. Взять хотя бы его отца. Пошумит, пустит пыль в глаза, а на деле же, пока мать не скажет, и с места не сдвинется.

Первым вошел Андрей Милашов. Милашка, как его звали коллеги. И по отделу, и по курилке. Тридцатилетний детина, лысеющий и уже с животиком, ни черта не сделал за те два месяца, что Истомин руководил отделом. Александр, будучи обычным работником, мягко говоря, плевал на то, чем заняты его коллеги. Он просто делал свое дело. Ответственно и с душой. Сейчас он продолжал в том же духе. Только теперь Саша отвечал за весь отдел. И если Тамара Львовна, не сверившись с новыми данными, отправляет подрядчиков электрифицировать витрины, стоящие с розетками уже полгода, то по шапке получает Истомин. О Тамаре Львовне никто и не вспомнит. Вот поэтому… В основном поэтому с небольшим опозданием, но все-таки он решил взять все под свой контроль.

– Что это? – спросил Милашка, принимая распечатку из рук начальника.

– Правила, – просто ответил Истомин. – Очень простые правила, которые нужны нам всем.

Глава 4

Как только дверь закрылась за Марией Васильевной, Скороходов медленно повернулся к Истомину и угрожающе посмотрел на него.

– Ну что, Томочка, вешайся.

Артем встал и пошел в сторону Сергея. Истомин встал и сжал кулаки. Ему еще не приходилось бить человека по-настоящему. Тренировки не в счет. Там были правила. Здесь их не было, и это настораживало. Сергей боялся, что разозлит Скороходова. А еще он боялся, что разозлится сам и изобьет придурка.

Скороходов на некоторое время замешкался. Что его заставило остановиться, можно было только догадываться. Может, он почувствовал угрозу, исходящую от Истомина? Когда Скороходов опомнился и все-таки решил довести начатое до конца, а именно встряхнуть зарвавшегося лоха, дверь в кабинет открылась.

– Все по местам, – сказал директор и, пропустив вперед Шерстнева, прошел следом.

– Тебе повезло, лошара, – прошипел Артем и пошел к своей парте.

Марии Васильевны так и не было. Вячеслав Андреевич заложил руки за спину и прошелся вдоль доски, сначала в одну сторону, затем в другую.

– Значит, так, дорогие мои, у Марии Васильевны случилась беда, – начал директор.

– Что, у нее любимая кошечка умерла? – выкрикнул Юра Терехин.

Такого он не позволил бы себе при Марии Васильевне. Такого бы при ней сделать не посмел никто.

Вячеслав Андреевич как-то грустно хмыкнул.

– Нет. Кошечки все живы. Ее дочь вчера попыталась покончить с собой.

В кабинете повисла тишина. Даже вечно копошащаяся Соня Стрункина затихла.

– Марии Васильевны некоторое время не будет. Русский и литературу буду вести я, пока она не вернется. – Вячеслав Андреевич подошел к столу и присел. – Итак, на чем вы остановились?

– Мы искали тетрадь Истомина, – выкрикнул Борисов.

– И что, нашли? – серьезно спросил директор.

– Да, но перед этим получили незаслуженных двоек.

– Ой ли? Борисов, ты – и незаслуженных? – Вячеслав Андреевич улыбнулся и заглянул в открытый журнал. – Аня, Савушкина, и ты тоже получила двойку?

– Да, – кивнула девочка.

– За что?

– Я не смогла ответить на вопрос.

– На какой? – директор терял терпение.

– Кто украл тетрадь у Истомина?

– Что, был такой вопрос?

– Да, – загудели ребята.

– А еще был вопрос: почему мы не начали урок? – пожаловался Скороходов.

Вячеслав Андреевич кивнул. Мол, да, такая программа. Ему осталось сказать: продолжим, чтобы класс завыл. Но он молчал.

– Дети, – вдруг сказал директор.

Для многих из них в пятнадцать лет услышать такое сродни оскорблению, но все молча посмотрели на мужчину.

– Я предлагаю остаток урока поговорить о вас и ваших проблемах.

Истомин почему-то вспомнил об отце. Сейчас Вячеслав Андреевич даже был похож на него. Сейчас начнется: «Из любой ситуации есть выход» и «Если что,

ты обращайся». Но он начал немного не так.

– Проблема номер один – это вы сами, – тихо произнес Вячеслав Андреевич.

* * *

Как он и предполагал, они его возненавидели. Причем сразу же. То есть они никак не ожидали от него никаких правил.

– И что? – К нему подошла Света Лобанова. Женщина двадцати восьми лет с милым, ангельским лицом, располневшая после родов, как она всем говорила. Очень удобно. Не скажет же она, что, кроме курения, она еще и едой злоупотребляет. Жирной пищей. Истомин на секунду представил, как Светочка ест копченый окорок. Но не смог. Если честно, девушка ему очень нравилась. Он считал, что именно полнота делает ее более красивой.

– Что это? – повторила она вопрос.

«Располневшая после родов – это неплохое оправдание своей слабости, – подумал Александр. – А курит она, наверное, чтобы не растолстеть по-настоящему».

– Что «что это»?

Она положила перед ним так хорошо ему знакомую распечатку.

– И по какому пункту у тебя вопрос?

– По пункту «дискриминация по…»

Она не могла подобрать подходящее определение.

– Вот, – только и смогла сказать Светлана.

– Дискриминация? Интересно. Я не курю, Антон тоже, а работать мы будем на два часа больше вашего. Это не дискриминация?

– В чем же дело? Начните курить, – возмущенно сказала она.

– Вот и я говорю: бросайте курить.

Света фыркнула, развернулась и, виляя задом, пошла к своему рабочему месту. Насколько оно теперь станет рабочим, Истомин не знал, но то, что он сегодня приобрел врагов в лице троих подчиненных, было очевидно. Почему троих? Он увидел, как на него недобро смотрит Тамара Львовна. Уж явно не приятного рабочего дня она хочет ему пожелать. А чего он еще ждал? Он лишил человека смысла всей жизни – общения в «Одноклассниках», а теперь хочет, чтобы она любила его. Тамара Львовна и до этого-то вела себя высокомерно, а сейчас и подавно. Она демонстративно выключила компьютер (Саше стало интересно: а помнит ли она, что работать она должна именно на нем?), достала из ящика стола красную папку с планограммами и чертежами. «Будет создавать видимость работы», – подумал Истомин и пошел к своему столу. А то чем же он отличается тогда от лоботрясов с сигаретой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/aleksandr-vargo/vzglyad-visel-nika

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить